

Annamaria Spanic

Annotation

Прелестная сказка для детей и взрослых из сборника «Валтасар».

- [Пчёлка](#)
 - [Глава I,](#)
 - [Глава II,](#)
 - [Глава III,](#)
 - [Глава IV,](#)
 - [Глава V,](#)
 - [Глава VI,](#)
 - [Глава VII,](#)
 - [Глава VIII,](#)
 - [Глава IX,](#)
 - [Глава X,](#)
 - [Глава XI,](#)
 - [Глава XII,](#)
 - [Глава XIII,](#)
 - [Глава XIV,](#)
 - [Глава XV,](#)
 - [Глава XVI,](#)
 - [Глава XVII,](#)
 - [Глава XVIII,](#)
 - [Глава XIX,](#)
 - [Глава XX,](#)
 - [Глава XXI,](#)
 - [Глава XXII,](#)
 - [Приложение](#)
 -
 - [ГЛАВА 5,](#)
 - [ГЛАВА 6,](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Пчёлка

Посвящается Флорентену Лорио

Глава I, которая повествует о лице земли и служит предисловием

Море поглотило ныне тот край, где некогда простиралось герцогство Кларидское. Нет никаких следов ни города, ни замка. Но говорят, что на расстоянии лье от берега в ясную погоду можно разглядеть в глубине огромные стволы деревьев. А одно место на берегу, где стоит таможенный кордон, до сих пор называется «Портняжкина игла». Весьма вероятно, что это название сохранилось в память некоего мастера Жана, о котором вы еще услышите в этом рассказе. Море с каждым годом все дальше наступает на сушу и скоро покроет и это место, что носит такое странное наименование.

Такие изменения — в природе вещей. Горы с течением времени оседают, а дно морское, наоборот, поднимается и несет с собой в царство туманов и вечных льдов раковины и кораллы.

Ничто не вечно. Лицо земли и очертания морей меняются беспрестанно. Только одно воспоминание о душах и формах проходит сквозь века и показывает нам как живое то, чего давным-давно уже нет.

Рассказывая вам о Кларидах, я хочу повести вас в очень далекое прошлое. Итак, начинаю.

Графиня де Бланшеланд надела на свои золотые волосы черную шапочку, шитую жемчугом...

Но прежде чем продолжать свой рассказ, я умоляю всех серьезных людей не читать меня ни в каком случае. Это написано не для них. Это написано отнюдь не для тех рассудительных душ, которые презирают безделки и хотят, чтобы их вечно наставляли. Я осмелюсь предложить этот рассказ только тем, кто любит, чтобы их забавляли, у кого рассудок юн и не прочь поиграть. Только те, кого могут радовать самые невинные забавы, и прочтут меня до конца. И вот их-то я и прошу, чтобы они рассказали мою Пчелку своим детям, если у них есть малыши. Мне хочется, чтобы этот рассказ понравился маленьким мальчикам и девочкам, но, по правде сказать, я не смею на это надеяться. Он слишком легкомыслен для них и хорош только для детей добрых старых времен. У меня есть премиленькая соседка девяти лет. Как-то раз я заглянул в ее библиотеку; я нашел там много книг о микроскопе и зоофитах и несколько научных романов. Я

открыл один из них и попал на следующие строки: «Каракатица *Seria officinalis* представляет собою разновидность головоногого моллюска, в теле которого имеется губчатый орган, состоящий из хитина и углекислой извести». Моя хорошенькая соседка считает, что это страшно интересный роман. И я умоляю ее, если она не хочет, чтобы я умер со стыда, никогда не читать рассказ про Пчелку.

Глава II, где говорится о том, что предсказала графине де Бланшеланд белая роза

Графиня де Бланшеланд надела на свои золотые волосы черную шапочку, шитую жемчугом, и, опоясавшись крученым поясом, какой полагается носить вдовам, вошла в часовню, где она имела обыкновение молиться каждый день за душу своего супруга, убитого в поединке со страшным великаном Ирландским.

И тут она увидела, что на подушке ее аналоя лежит белая роза; увидев это, графиня побледнела, взгляд ее затуманился, она запрокинула голову и заломила руки. Ибо она знала, что когда графине де Бланшеланд приходит время умереть, она находит на своем аналое белую розу.

Когда она поняла, что для нее настал час покинуть этот мир, где ей за такой недолгий срок выпало на долю стать супругой, матерью и вдовой, она пошла в детскую; там спал ее сын Жорж под присмотром служанок. Ему было три года, длинные ресницы бросали прелестную тень на его щечки, а ротик у него был как цветок. И когда она увидела, что он такой маленький и хорошенький, она заплакала.

— Сыночек мой, — сказала она упавшим голосом, — дорогой мой мальчик, ты не будешь знать меня, и мой образ навсегда исчезнет из твоих милых глазок. А ведь я кормила тебя своим молоком, потому что хотела быть тебе настоящей матерью, и из любви к тебе я отказывала самым прекрасным рыцарям.

С этими словами она поцеловала медальон, где был ее портрет и прядь ее волос, и надела его на шею сына. И слеза матери упала на щечку ребенка, который заворочался в постельке и стал тереть себе глаза кулачками. Но графиня отвернулась и тихонько вышла из комнаты. Разве очи ее, которым суждено было вот-вот закрыться, могли вынести блестящий взор этих обожаемых глазок, где уже начинал светиться разум?

Она велела оседлать лошадь и в сопровождении своего оруженосца Верное Сердце отправилась в замок Кларидов.

Герцогиня Кларидская встретила графиню де Бланшеланд с распростертыми объятиями.

— Какой счастливый случай привел вас ко мне, моя прелесть?

— Случай, который привел меня к вам, совсем не счастливый;

выслушайте меня, мой друг. Мы с вами вышли замуж вскоре одна после другой и обе овдовели при одинаковых обстоятельствах. Потому что в наше рыцарское время лучшие погибают первыми, и надобно быть монахом, чтобы жить долго. Я уже два года была матерью, когда и вы стали ею. Ваша дочка Пчелка хороша, как ясный день, а мой крошка Жорж добрый мальчик. Я люблю вас, и вы любите меня. Так вот, знайте, я нашла белую розу на подушке моего аналая. Я должна умереть: я оставляю вам моего сына.

Герцогине было известно, что предвещает белая роза дамам де Бланшеланд. Она заплакала и, обливаясь слезами, обещала воспитать Пчелку и Жоржа, как брата с сестрой, и никогда ничего не давать одному из них, не разделив с другим.

И тут обе женщины, обнявшись, подошли к колыбели, где под легким голубым, как небо, пологом спала маленькая Пчелка, и она, не раскрывая глаз, зашевелила ручонками. И, когда она раздвинула пальчики, казалось, из каждого рукавчика протягиваются пять розовых лучиков.

— Он будет защищать ее, — сказала мать Жоржа.

— А она будет любить его, — промолвила мать Пчелки.

— Она будет любить его, — повторил звонкий голосок, и герцогиня узнала голос духа, который давно уже жил в замке под очагом.

Графиня де Бланшеланд, вернувшись в замок, раздала свои драгоценности верным служанкам и, умастившись ароматными маслами, облеклась в лучшие одежды, дабы достойным образом украсить эту плоть, коей предстоит воскреснуть в день последнего суда; затем она легла на свое ложе и уснула, чтобы больше никогда не просыпаться.

Глава III, в которой начинается любовь Жоржа де Бланшеланд и Пчелки Кларидской

В противность обычной судьбе, которая дает человеку в дар или более доброты, нежели красоты, или более красоты, нежели доброты, герцогиня Кларидская была столь же добра, сколь и хороша собою, а она была так хороша, что стоило только какому-нибудь принцу увидеть ее портрет, как он сейчас же предлагал ей руку и сердце. Но на все предложения она отвечала:

— Только один супруг был у меня и будет, потому что у меня только одна душа.

Но все же по прошествии пяти лет траура она сняла свое длинное покрывало и черные одежды, чтобы не омрачать радости окружающим и чтобы люди могли, не стесняясь, смеяться и веселиться в ее присутствии. Герцогство Кларидское включало в себя обширные земли с пустынными равнинами, покрытыми вереском, озерами, где рыбаки ловили рыбу, — а там водились и волшебные рыбы, — и горами, вздымавшимися в страшных ущельях над подземными странами, где обитали гномы.

Герцогиня правила Кларидами, руководясь советами старого монаха, бежавшего из Константинополя, который видел на своем веку много жестокости и коварства и не слишком верил в мудрость человеческую. Он жил, запершись в башне со своими книгами и птицами, и оттуда подавал советы, придерживаясь небольшого количества правил. А правила эти были такие: никогда не вводить вновь вышедший из употребления закон; уступать голосу народа, дабы избежать смут, но уступать ему сколь возможно медлительно, ибо стоит только допустить одну реформу, как люди потребуют другой, и господству вашему придет конец, если вы уступите слишком скоро, равно как и в том случае, если вы будете противиться слишком долго.

Герцогиня предоставляла ему править страной, так как сама ничего не понимала в политике. Она была сострадательна к людям и, если и не могла уважать всех на свете, жалела тех, кто имел несчастье быть дурным. Она помогала несчастным всем, чем могла, посещала больных, утешала вдовиц и давала приют сиротам.

Свою дочку, Пчелку, она воспитывала с трогательной мудростью.

Внушив ей, что удовольствие можно находить только в хороших поступках, она никогда не отказывала ей в удовольствиях.

Эта прекрасная женщина сдержала обещание, данное ею бедной графине де Бланшеланд. Она была настоящей матерью Жоржу и не делала никакого различия между Пчелкой и им. Они росли вместе, и Жоржу нравилась Пчелка, хотя она и была слишком мала. Однажды, когда они были еще совсем маленькие, он подошел к ней и сказал:

— Хочешь, поиграем?

— Хочу, — сказала Пчелка.

— Будем делать песочные пирожки, — сказал Жорж.

И они стали делать пирожки. Но у Пчелки пирожки выходили плохие, и он шлепнул ее по пальцам лопаткой. Пчелка пронзительно вскрикнула, а оруженосец Верное Сердце, который прогуливался по саду, сказал своему юному господину:

— Даму ударить — поступок, недостойный графа де Бланшеланд, монсеньер.

Жоржу страшно захотелось воткнуть в оруженосца свою лопатку, но так как это было сопряжено с неодолимыми трудностями, он ограничился тем, что уткнулся носом в толстое дерево и громко заплакал.

А Пчелка в это время, стараясь не отстать от него, изо всех сил терла глаза кулачками, чтобы вызвать слезы, и, наконец, в горьком отчаянье уткнулась носом в соседнее дерево. И когда спустились сумерки, Пчелка и Жорж все еще стояли и плакали, каждый у своего дерева. Тогда герцогине Кларидской пришлось вмешаться самой, взять одной рукой за руку свою дочку, а другою — Жоржа и увести их в замок. Глаза у них были красные, носы красные, щеки лоснились; они так вздыхали и сопели, что на них было жалко смотреть. Поужинали они с большим аппетитом, после чего их уложили в постельки, но как только потушили свечу, они выскочили словно маленькие призраки, оба в ночных рубашонках, обнялись и начали громко хохотать.

Так началась любовь Пчелки Кларидской и Жоржа де Бланшеланд.

Глава IV, которая посвящена воспитанию вообще и воспитанию Жоржа в частности

Жорж рос в замке вместе с Пчелкой, которую он по дружбе называл сестрой, хотя и знал, что она не сестра ему.

У него были учителя фехтованья, верховой езды, плавания, гимнастики, танцев, псовой охоты, соколиной охоты, игры в мяч — словом, его обучали всевозможным искусствам. У него был даже учитель каллиграфии. Это был старый писец, смиренный с виду и весьма гордый в душе; он обучал его письму, которое тем труднее было прочесть, чем оно было красивее. Жоржу доставляли мало удовольствия, а следовательно, и мало пользы уроки старого писца, впрочем так же, как и уроки монаха, который учил его грамматике и донимал варварской терминологией; Жорж не понимал, зачем это надо тратить столько усилий на изучение языка, на котором говоришь от рождения и который называется родным языком.

Ему было хорошо только с оруженосцем Верное Сердце, который немало шатался по белу свету, знал нравы людей и животных, рассказывал о разных странах и сочинял песенки, только не умел записать их. Верное Сердце был единственным из наставников Жоржа, научившим его кое-чему, потому что он был единственным, кто его действительно любил, а ведь уроки только тогда и приносят пользу, когда вас наставляют с любовью. Но эти двое очкастых — учитель каллиграфии и учитель грамматики, — хоть они и ненавидели друг друга от всего сердца, все же объединились в общей ненависти к старому оруженосцу, которого они обвиняли в пьянстве.

Правда, Верное Сердце частенько захаживал в харчевню «Оловянная кружка», ибо там он забывал свои горести и сочинял песенки. Конечно, он поступал нехорошо.

Гомер сочинял стихи получше Верного Сердца, а Гомер ничего не пил, кроме родниковой воды. А что до огорчений, так ведь у кого же их нет? А если что и помогает забыть о них, так не выпитое вино, а добро, которое делаешь другим. Но Верное Сердце был старый человек, поседевший на ратной службе, преданный и достойный слуга, и обоим учителям — каллиграфии и грамматики — следовало бы помалкивать о его слабостях, а не доносить о них герцогине, да еще прибавляя от себя.

— Верное Сердце — пьяница, — говорил учитель каллиграфии. — Когда он плетется домой из харчевни «Оловянная кружка», он выписывает ногами кренделя на дороге, и это все, что он умеет писать, госпожа моя герцогиня, потому что этот пьяница — истинный осел.

А учитель грамматики добавлял:

— Верное Сердце распевает, пошатываясь, песенки, которые пренебрегают правилами стихосложения и не следуют никаким образцам. Он понятия не имеет о синекдохе, госпожа моя герцогиня.

Герцогиня терпеть не могла доносчиков и педантов. Она сделала то, что всякий из нас сделал бы на ее месте: сначала она просто не слушала их, а затем, так как они без устали повторяли свои доносы, она в конце концов поверила им и решила удалить Верное Сердце. Однако, желая сделать его изгнание почетным, она послала его в Рим за папским благословением. Путешествие это для Верного Сердца было тем более длительно, что множество харчевен, часто посещаемых музыкантами, отделяло герцогство Кларидское от апостольского града.

Из продолжения рассказа вы увидите, как скоро герцогине пришлось пожалеть, что она лишила детей их самого верного стража.

**Глава V,
в которой рассказывается о том, как
герцогиня отправилась с Пчелкой и
Жоржем в монастырь, и о том, как они
встретились там с ужасной старухой**

В это утро, — а это было первое воскресенье после пасхи, — герцогиня выехала из замка на своем рослом рыжем коне; рядом с ней по левую руку ехал Жорж де Бланшеланд, — под ним был черный как смоль конь со звездой во лбу, а справа — Пчелка на буланой лошадке с розовыми поводьями. Они ехали к обедне в отдаленный монастырь, позади следовала почетная стража с копьями, а народ толпами выходил навстречу, чтобы полюбоваться на них. И в самом деле, все трое были на диво хороши! Герцогиня под своим покрывалом, вышитым серебряными цветами, и в развевающемся плаще была необыкновенно пленительна и величественна, а жемчуга, которыми была вышита ее шапочка, излучали мягкий блеск, столь же гармонирующий с ее прелестным лицом, сколь и с прекрасной душой этой достойной особы; рядом с ней Жорж с развевающимися кудрями и живым взором выглядел совсем молодцом, а по другую сторону Пчелка радовала взор нежными и чистыми красками своего личика; но всего восхитительнее были ее белокурые волосы, перехваченные лентой с тремя золотыми цветочками и ниспадавшие ей на плечи словно сверкающая мантия юности и красоты. Добрые люди глядели на нее и говорили: «Вот какая красивая барышня!»

Старый портной, мастер Жан, взял своего внука Пьера на руки, чтобы показать ему Пчелку, а Пьер спросил, настоящая ли она, живая, или, может быть, такая восковая куколка? Он не представлял себе, что эта беленькая хорошенькая фигурка может быть той же породы, что и он сам, маленький Пьер, с его круглыми загорелыми щечками и в холщовой рубашонке, завязанной сзади на деревенский лад.

В то время как герцогиня благосклонно принимала эти знаки почтения, личики обоих детей сияли от гордости: Жорж вспыхивал румянцем, а Пчелка расточала улыбки. И тогда герцогиня сказала им:

— Эти добрые люди приветствуют нас от всего сердца. Что вы думаете

об этом, Жорж, и вы что думаете, Пчелка?

— Что они очень хорошо делают, — ответила Пчелка.

— И что это их долг, — добавил Жорж.

— А почему же это их долг? — спросила герцогиня.

И, так как они оба молчали, она сказала:

— Я вам сейчас объясню. Вот уже более трехсот лет герцоги Кларидские из рода в род, от отца к сыну защищают с копьем в руке этих бедных людей, которые благодаря им могут спокойно собирать урожай на своих полях. Вот уже более трехсот лет, как герцогини Кларидские прядут пряжу для бедняков, посещают больных и крестят младенцев у поселян. Вот почему все вас приветствуют, дети мои.

И Жорж подумал: «Буду непременно защищать землепашцев». А Пчелка: «Буду непременно прясть пряжу для бедняков».

И вот так, беседуя и размышляя, ехали они среди лугов, усеянных цветами. Синие горы вырисовывались на горизонте. Жорж протянул руку к востоку.

— Что это там виднеется? — спросил он. — По-моему, это большой стальной щит.

— А по-моему, это такая серебряная пряжка, большая-большая, как луна, — сказала Пчелка.

— Нет, детки, это вовсе не стальной щит и не серебряная пряжка, — ответила герцогиня, — это озеро так блестит на солнце. А поверхность вод, которая издали кажется вам гладкой, как зеркало, изборождена бесчисленными волнами. И берега этого озера, что представляются вам такими ровными и словно вырезанными из металла, на самом деле покрыты камышом с пушистыми султанами и ирисами, у которых цветки — словно глаз человеческий между мечами. Каждое утро белый пар окутывает озеро, а под полуденным солнцем оно сверкает, как броня. Но к нему нельзя приближаться, ибо в нем обитают ундины, которые увлекают путников в свой хрустальный дворец.

В эту минуту они услышали монастырский колокол.

— Мы оставим лошадей здесь, — сказала герцогиня, — и пойдем пешком к храму. Ведь волхвы-короли приблизились к яслям не на слонах и не на верблюдах.

Они отстояли обедню в монастыре. Страшная старуха в лохмотьях стояла на коленях около герцогини, и та, выходя из церкви, зачерпнула святой воды в кропильнице и подала старухе, промолвив:

— Примите, матушка!

Жорж удивился.

— Разве вы не знаете, — сказала герцогиня, — что надо почитать бедных, ибо их возлюбил Иисус Христос? Ведь нищая, подобная этой, держала вас с добрым герцогом Роншуарским над крестильной купелью; и крестный отец вашей сестрицы Пчелки такой же бедняк.

Старуха угадала мысли мальчика, наклонилась к нему и сказала, хихикая:

— Желаю вам, прекрасный принц, завоевать столько королевств, сколько мне пришлось их потерять. Я была королевой Жемчужных островов и Золотых гор; каждый день у меня за столом подавали четырнадцать сортов рыбы, а за мной ходил негритенок и нес мой шлейф.

— Но как же случилось такое несчастье, что вы лишились ваших островов и гор, добрая женщина? — спросила герцогиня.

— Я навлекла на себя гнев гномов, и они унесли меня далеко от моих владений.

— Разве они такие могущественные, эти гномы? — спросил Жорж.

— Они живут в недрах земли, — отвечала старуха, — и знают свойства камней; они добывают металлы и открывают источники.

— А чем же вы их так рассердили, матушка?

И старуха рассказала:

— Один из них явился ко мне декабрьской ночью и попросил позволения приготовить к сочельнику праздничный ужин в кухне замка, а кухня эта была больше самой большой дворцовой залы, и полки в ней ломились от множества всякой посуды, — там были всевозможные кастрюли, сковороды, противни, котлы, чугуны, жаровни, решетки, соусницы, опарницы, рыбницы, тазы, формы для пирожного, медные кувшины, чаши золотые, серебряные и драгоценного дерева с прожилками, я уж не считаю железного кованого вертела и громадного черного котла, висевшего на крюке. Он обещал мне, что они ничего не сломают и не испортят. Но я все-таки отказала ему в его просьбе, и он исчез, бормоча под нос невнятные угрозы. А на третью ночь, — это был канун рождества, — тот же гном явился ко мне в опочивальню, а за ним несметное множество других; они схватили меня с моего ложа в одной сорочке и унесли в неведомую страну. «Вот, — сказали они, покидая меня, — вот какая кара ждет богачей, которые не хотят уделить ничего из своих сокровищ трудолюбивому и доброму народу гномов, что добывают золото и открывают родники». Вот что рассказала беззубая старуха, и герцогиня, утешив ее добрыми словами и щедрой помощью, отправилась с детьми обратно в замок.

Глава VI, в которой рассказывается о том, что видно с башенной вышки Кларидского замка

Как-то вскоре после этого Пчелка и Жорж поднялись, когда их никто не видел, по лестнице, ведущей на башню, возвышавшуюся над Кларидским замком. Очутившись на самом верху, на площадке, они радостно закричали и захлопали в ладоши.

Перед глазами у них расстилались склоны холмов, изрезанные зелеными и коричневыми квадратиками распаханых полей. Далеко на горизонте синели леса и горы.

— Сестрица! — вскричал Жорж. — Погляди-ка! Вот вся земля!

— Какая большая! — сказала Пчелка.

— Мои учителя, — сказал Жорж, — рассказывали мне, что она большая, да только, как говорит наша ключница Гертруда, надо самому посмотреть, чтобы поверить.

Они обошли кругом всю площадку.

— Вот так чудо, братец! — вскричала Пчелка. — Замок наш стоит посреди земли, а мы забрались на вышку, и она посреди замка, вот мы и очутились теперь на самой середине мира! Ха-ха-ха!

И действительно, горизонт окружал детей правильным кругом, и башня была в самой его середине.

— Мы в середине мира, ха-ха-ха! — вторил Жорж.

Потом они оба задумались.

— Как ужасно, что мир такой большой, — сказала Пчелка, — можно заблудиться, и тогда придется жить в разлуке с друзьями.

Жорж пожал плечами.

— Как прекрасно, что мир такой большой! Можно отправиться на поиски всяких приключений. Пчелка, когда я буду большой, я хочу завоевать вон те горы, на самом краю земли. Это оттуда выходит месяц. Я его поймаю по дороге и подарю тебе, моя Пчелка!

— Вот хорошо, — сказала Пчелка, — ты мне его подаришь, и я буду носить его в волосах.

Потом они занялись тем, что стали разыскивать, как на карте, места,

которые они знали.

— Я очень хорошо узнаю все, — сказала Пчелка (которая ровно ничего не узнавала), — только я никак не пойму, что это за камушки вон там вроде кубиков рассыпаны по холмам.

— Дома, — ответил Жорж, — это просто дома. Разве ты не узнаешь, сестрица, столицы герцогства Кларидского? А ведь это большущий город, там целых три улицы, и по одной можно ездить в карете. Мы проезжали по ней на прошлой неделе, когда ехали в монастырь. Помнишь?

— А этот ручеек, что вьется вон там?

— Это река. Видишь, там старый каменный мост?

— Мост, под которым мы раков ловили?

— Тот самый, и там еще в нише стоит статуя «Безголовой женщины». Только ее отсюда не видно, потому что она очень маленькая.

— Я помню. А почему у нее нет головы?

— Да потеряла, наверно.

Пчелка, не сказав ни слова, удовлетворяет ли ее это объяснение, рассматривала горизонт.

— Братец, братец, видишь, как там что-то блестит, около синих гор? Это озеро!

— Озеро!

И тут они вспомнили, что герцогиня говорила им об этих опасных и чудесных водах, где находятся дворцы ундин.

— Пойдем туда! — сказала Пчелка.

Это предложение ошеломило Жоржа, он даже открыл рот от удивления:

— Герцогиня не велела нам уходить одним! — вскричал он. — И как мы доберемся до этого озера, когда оно на самом краю света?

— Как мы доберемся, этого я, конечно, не знаю! А вот ты должен знать, потому что ты мужчина и у тебя есть учитель грамматики.

Жорж, задетый за живое, ответил, что можно быть мужчиной, и даже замечательным мужчиной, и все-таки не знать всех дорог на свете. Пчелка состроила презрительную гримаску, от которой он покраснел до ушей, и сказала очень сухо:

— Я вот никому не обещала покорить синие горы и отцепить месяц с неба. Я не знаю дороги к озеру, но уж как-нибудь я ее найду!

— Ах, вот как! Ха-ха! — фыркнул Жорж, пытаясь расхохотаться.

— Вы, сударь, смеетесь совсем как мой ослик!

— Пчелка! Ослики не смеются и не плачут.

— А если бы они смеялись, вот точь-в-точь так бы и смеялись, как вы!

Я пойду одна на озеро и разыщу прекрасные воды, где живут ундины! А вы будете сидеть дома, как девочка. Я вам оставляю свое рукоделье и куклу! Смотрите за ней хорошенько, слышите, Жорж!

Жорж был самолюбив. Ему показалось обидным слушать насмешки Пчелки. Опустив голову, насупившись, он сказал мрачно:

— Ну, хорошо! Пойдем на озеро!

Глава VII, в которой рассказывается, как Пчелка и Жорж отправились на озеро

На другой день после завтрака, когда герцогиня удалилась в свои покои, Жорж взял Пчелку за руку.

— Идем! — сказал он.

— Куда?

— Тсс!!!

Они спустились по лестнице и пошли через двор. Когда они вышли через потайную дверь, Пчелка опять спросила, куда они идут.

— На озеро! — твердо ответил Жорж.

Пчелка широко открыла ротик, да так и застыла на месте. Уйти так далеко, без спросу и в атласных туфельках! А на ней были атласные туфельки. Ну, разве это благоразумно?

— Нам надо идти, и вовсе не обязательно быть благоразумными!

Таков был величественный ответ Жоржа Пчелке. Сама же она его стыдила, а сейчас прикидывается удивленной... Теперь уже он презрительно отсылал ее к куклам. Девчонки всегда так — сами же подстрекают, а потом увиливают. Фу! Вот противный характер! Пусть остается, он один пойдет!

Она схватила его за руку, он оттолкнул ее. Она повисла на шее у брата.

— Братец, — говорила она всхлипывая, — я пойду с тобой.

Он не устоял перед таким глубоким раскаянием.

— Идем, — сказал он, — только не надо идти городом, а то нас увидят. Лучше пойдем крепостным валом и выйдем на большую дорогу через проселок.

И они пошли, держась за руки. Жорж рассказывал, какой план он придумал.

— Мы пойдем той же дорогой, — говорил он, — по которой мы ехали в монастырь. И, конечно, увидим озеро, как увидели его и в прошлый раз, а тогда мы пойдем к нему прямо, через поля, как пчелка летит.

«Как пчелка летит» — это такое деревенское красочное выражение, когда хотят сказать, что путь прямой; но дети принялись хохотать, им показалось смешно, что в этом выражении упоминается имя девочки.

Пчелка собирала цветы по краю рва: мальвы, ромашки, колокольчики,

златоцветы, она сделала из них букет, но в ее маленьких ручках цветы вяли прямо на глазах, и, когда Пчелка шла по старому каменному мосту, на них просто жалко было смотреть. Она никак не могла придумать, что делать с букетом, и ей пришло в голову бросить цветы в воду, чтобы они освежились, но потом она решила лучше подарить их «Безголовой женщине».

Она попросила Жоржа поднять ее, чтобы ей стать повыше, и положила всю охапку полевых цветов между сложенными руками старой каменной фигуры.

Когда они отошли уже довольно далеко, она обернулась и увидела, что на плече статуи сидит голубь. Некоторое время они шли молча, потом Пчелка сказала:

— Пить хочется!

— И мне тоже, — сказал Жорж, — только речка осталась далеко позади, а здесь ни ручья, ни родника не видно.

— Солнце такое горячее, что оно, наверно, все выпило. А как нам теперь быть?

Так они говорили и сетовали и вдруг увидели, что идет крестьянка и несет в корзинке ягоды.

— Вишни, — закричал Жорж, — какая досада, что у меня нет денег, не на что купить!

— А у меня есть деньги! — сказала Пчелка.

Она вытащила из кармашка кошелек, в котором было пять золотых монет, и, обратившись к крестьянке, сказала:

— Дайте нам, тетушка, столько вишен, сколько войдет в мой подол.

И с этими словами она приподняла обеими руками подол юбки. Крестьянка бросила ей туда две-три пригоршни вишен. Пчелка прижала одной рукой подол юбки, а другой протянула женщине золотую монету и спросила:

— Этого хватит?

Крестьянка схватила золотую монету, которая с лихвой оплачивала все вишни в ее корзине вместе с деревом, на котором они созрели, и участком земли, где росло это дерево. И так как она была хитрая, она сказала Пчелке:

— Что уж мне с вас больше-то брать, рада вам услужить, моя принцессочка!

— Ну, тогда, — попросила Пчелка, — положите еще вишен в шляпу моему брату, и вы получите еще одну золотую монету.

Конечно, крестьянка охотно сделала это, а потом пошла своей дорогой, обдумывая, в какой шерстяной чулок, в какой тюфяк запрятать ей свое

золото. А дети шли своей дорогой, поедая вишни и бросая косточки направо и налево. Жорж выбрал вишенки, которые держались по две на одной веточке, и нацепил их своей сестрице на уши, как сережки, и смеялся, глядя, как эти красивые пурпурные ягодки, вишенки-близнецы, покачиваются на щеках Пчелки.

Их веселое путешествие прервал камешек. Он забрался в башмачок Пчелки, и она начала прихрамывать, и каждый раз, как она спотыкалась, ее белокурые локоны взлетали и падали ей на щечки; так, прихрамывая, она прошла несколько шагов и уселась на краю дороги. Тогда Жорж стал возле нее на колени, снял с ее ноги атласную туфельку, встряхнул, — и оттуда выскочил маленький белый камешек.

Пчелка поглядела себе на ноги и сказала:

— Братец, когда мы с тобой еще раз пойдем на озеро, мы наденем сапожки.

Солнце уже начало склоняться на сверкающем небосводе, легкий ветерок ласкал щеки и шеи юных путешественников, и они, освеженные и прибодрившиеся, смело продолжали свой путь. Чтобы легче было идти, они распевали, держась за руки, и смеялись, видя, как перед ними движутся две сплетенные тени. Они пели:

Марианна в добрый час
Намолоть зерна взялась.
Вот на ослика садится
Марианночка-девица.
Перекинула мешок.
«Мартин, ослик, в путь, дружок!»

Но вдруг Пчелка остановилась и закричала:

— Я потеряла туфельку... мою атласную туфельку!..

И действительно, так оно и было, как она говорила: туфелька, у которой шелковый шнурок развязался при ходьбе, лежала на дороге пыльная-пыльная. И тут Пчелка оглянулась и увидела, что башни Кларидского замка уже скрылись на горизонте в тумане; сердце у нее сжалось, и слезы подступили к глазам.

— Нас съедят волки, — сказала она, — и мама нас больше не увидит и умрет с горя.

Но Жорж надел ей на ножку туфельку и сказал:

— Когда колокол в замке прозвонит к ужину, мы уже придем обратно в

Клариды. Вперед!

Мельник вышел и глядит,
Марианне говорит:
«Привяжите-ка Мартина
Там на травке, возле тына,
Он мешок с пшеницей нес,
Вас на мельницу привез».

Озеро! Пчелка, смотри: озеро! озеро! озеро!

— Да, Жорж, озеро!

Жорж закричал «ура!» и подбросил вверх свою шляпу. Пчелка была слишком благовоспитанна, чтобы швырнуть вверх свой чепчик, но она сняла с ноги туфельку, которая едва держалась, и бросила ее через голову в знак радости. Озеро лежало перед ними в глубине долины, округлые склоны которой мягко спускались к серебристым волнам, словно замыкая их в громадную чашу из цветов и зелени. Там оно лежало, чистое, спокойное, и уже видно было, как колышется зелень на его пока еще смутно различимых берегах. Но на склонах долины, среди густых зарослей, не видно было никакой тропинки, которая вела бы к этим прекрасным водам.

В то время как они тщетно разыскивали дорогу, их начали щипать за икры гуси, которых гнала хворостиной маленькая девочка с овчиной на плечах. Жорж спросил, как ее зовут.

— Жильберта.

— Так вот, Жильберта, как нам пройти к озеру?

— Нельзя к нему пройти.

— А почему?

— Да потому...

— Ну, а все-таки, если попытаться пройти?

— Коли бы пытались пройти, так была бы дорога, по ней и шли бы.

Ну, что можно было на это ответить гусиной пастушке!

— Пойдем, — сказал Жорж. — Там, подальше, мы, наверно, найдем какую-нибудь тропинку в лесу.

— И нарвем орехов, — сказала Пчелка, — и будем их есть, потому что мне кушать хочется. А когда мы опять пойдем на озеро, мы возьмем с собой большую корзину с разными вкусными вещами.

— Да, да, сестрица, — подхватил Жорж, — непременно так и сделаем,

как ты говоришь, я теперь понимаю, почему оруженосец Верное Сердце, отправляясь в Рим, захватил с собой целый окорок ветчины, чтобы не проголодаться, и большую бутылку, чтобы было что попить. Но пойдём поскорее, потому что мне кажется, что день на исходе, хотя я и не знаю, который час.

— Вот пастушки, те знают, который час: они смотрят на солнце, — сказала Пчелка, — но я-то ведь не пастушка! А только мне кажется, когда мы уходили, солнце стояло у нас над головой, а теперь оно совсем далеко, там, за городом и за Кларидским замком. Надо узнать, неужели это так каждый день и почему это так бывает.

Пока они глядели на солнце, по дороге закрутилось облако пыли, и они увидели всадников, которые неслись во весь опор, а оружие их сверкало на солнце. Дети ужасно испугались и бросились в густую чащу, подступавшую к самой дороге. «Это, наверно, разбойники! Нет, должно быть, людоеды», — думали они. А на самом деле это проскакала стража, которую герцогиня Кларидская отправила на розыски двух отважных путешественников.

Маленькие путешественники нашли в лесу узенькую тропинку, по которой, наверно, никогда не гуляли влюбленные, потому что по ней никак нельзя было идти рядом, под руку, как ходят жених с невестой. Да тут и не видно было никаких человеческих следов, а только бесчисленные отпечатки маленьких раздвоенных копытцев.

— Это следы бесенят, — сказала Пчелка.

— А может быть, коз, — сказал Жорж.

Так это и осталось невыясненным. Одно только было ясно, что тропинка полого спускается к берегу озера, которое вдруг появилось перед детьми во всей своей томной и молчаливой красе. Ивы курчавились по его берегам нежной листвой. Камыши покачивали над водой свои гибкие мечи и бархатные султаны; они казались зыблущимися островками, вокруг которых водяные лилии расстилали свои широкие листы сердечком и цветы с белыми лепестками. А на этих цветущих островках стрекозы с изумрудными и сапфирными тельцами и пламенными крыльями чертили в стремительном полете резко обрывающиеся кривые.

И дети с наслаждением погружали свои разгоряченные ноги во влажный песок, поросший густым хвойником и остролистым рогозом. Кувшинки посылали им аромат своих мягких стеблей, вокруг них папоротник покачивал кружевным опахалом у края дремлющих вод, а над ним сияли лиловые звездочки иван-чая.

Глава VIII, в которой рассказывается, о том, как поплатился Жорж де Бланшеланд за то, что приблизился к озеру, в котором живут ундины

Пчелка побежала вперед по песку между двумя купами ив, и прямо перед нею маленький дух, обитавший в этих краях, прыгнул в воду, и по воде пошли круги, которые все расширялись, а затем исчезли. Этот дух был крошечной зеленой лягушкой с белым брюшком. Все безмолвствовало, легкое дуновение проносилось над светлым озером, и каждая его волна словно расплывалась в мягкой улыбке.

— Оно красивое, озеро, — сказала Пчелка, — но у меня все ноги в крови, туфельки совсем разорвались, и мне очень хочется кушать. Я бы так хотела быть дома, в замке!

— Сестрица, — сказал Жорж, — садись на травку. Я оберну тебе ножки листьями, чтобы им было прохладней, а потом пойду поищу что-нибудь на ужин. Там, наверху, у самой дороги, я видел кусты ежевики, сплошь покрытые ягодами. Я тебе принесу в шляпе самые спелые и самые сладкие. Дай-ка мне твой платочек! Я наберу еще земляники, потому что здесь масса земляники у тропинки в тени деревьев. А карманы я набью орехами.

Он устроил для Пчелки на берегу озера под ивой постельку из мха и пошел.

Пчелка протянулась на своем ложе из мха, сложила ручки и увидела, как звезды, мерцая, стали загораться на бледном небе; потом ее глаза наполовину закрылись, но все-таки ей показалось, что она видит в воздухе гнома, который летит, сидя верхом на вороне. И это ей не просто померещилось. Натянув поводья, которыми была взнуздана черная птица, гном приостановился вверху над девочкой и глянул на нее своими круглыми глазами, затем пришпорил своего скакуна и умчался крылатым галопом. Пчелка смутно видела, как он пролетел и исчез, а потом и совсем заснула.

Она спала, когда Жорж вернулся с тем, что ему удалось набрать; он

разложил все это возле нее, а сам спустился к озеру и стал ждать, когда она проснется. Озеро дремало, укрытое нежной кроной листвы. Тонкий пар мягко стелился над водами. Внезапно меж ветвей выглянул месяц, и в тот же миг волны заискрились блестками.

Жорж отлично видел, что эти блестки, сверкавшие в воде, были не только дробившимся отражением месяца: он ясно различал какие-то синеватые огоньки, которые приближались, покачиваясь и переплетаясь, словно они кружились в хороводе. Скоро он разобрал, что все эти огоньки дрожат на белых лбах прекрасных женских головок. И вот уже эти головы, увенчанные водорослями и раковинами, плечи, по которым рассыпались зеленые волосы, груди, блестящие жемчугами ниспадающих покрывал, поднялись над волнами. Мальчик узнал ундин и отпрянул, пытаясь убежать. Но бледные и холодные руки уже подхватили его и, несмотря на его сопротивление и крики, повлекли сквозь глубокие воды в галереи из хрусталя и порфира.

Глава IX, в которой рассказывается, как Пчелка попала к гномам

Луна поднялась над озером, и волны отражали теперь только раздробленный диск ночного светила. Пчелка еще спала. Гном, который заметил ее, снова вернулся на своем вороне. На этот раз за ним следовала целая толпа маленьких человечков. Это были совсем крошечные человечки. Белые бороды спускались у них до самых колен. С виду они были старички, а ростом — как маленькие дети. По их кожаным передникам и молоткам, висевшим у них на поясе, можно было узнать в них рудокопов. Походка у них была престранная: они высоко подпрыгивали и кувыркались самым удивительным образом, с такой непостижимой ловкостью, что были похожи скорее на духов, чем на людей. Но, проделывая такие головокружные прыжки, они сохраняли невозмутимую серьезность, так что никак нельзя было распознать их истинный характер. Они обступили спящую девочку.

— Ну вот, — сказал самый маленький из гномов, восседавший на пернатом скакуне, — разве я обманул вас, когда сказал, что самая прелестная принцесса в мире спит на берегу озера? Благодарите меня за то, что я вам ее показал!

— Мы очень благодарны тебе, Боб, — сказал один из гномов, похожий на престарелого поэта, — в самом деле, в мире нет ничего прекраснее, чем эта девочка. Ее щечки нежнее и румянее зари, когда она занимается над горами, а золото, которое мы куем, блещет не так ярко, как ее кудри.

— Правда, Пик! Истинная правда! — подхватили гномы. — Но только что же нам делать с этой прелестной девочкой?

Пик, тот самый, что был похож на престарелого поэта, ничего не ответил на этот вопрос гномов, потому что он и сам не лучше их знал, как поступить с прелестной девочкой.

Гном по имени Рюг сказал:

— Построим большую клетку и посадим ее туда.

Другой гном, Диг, отверг предложение Рюга. Диг считал, что в клетки сажают только диких животных, а пока еще ничто не доказывало, что эта красивая девочка принадлежит к их породе.

Но Рюг крепко держался за свою мысль, потому что никакой другой у

него не было. Он стал защищать ее весьма хитро.

— Если, — сказал он, — это создание и не из породы диких зверей, оно несомненно одичает, очутившись в клетке, и в таком случае клетка окажется полезной и даже необходимой.

Такое рассуждение отнюдь не понравилось гномам, и один из них, Тад, с негодованием осудил его. Это был очень добродетельный гном. Он предложил отвести прелестное дитя к родителям, которые, как он думал, были могущественными сеньерами.

Но мнение добродетельного Тада также было отвергнуто, ибо оно было противно обычаям гномов.

— Поступать надо по справедливости, — утверждал Тад, — а отнюдь не по обычаю.

Но его и слушать не стали, и собрание бурно пререкалось, пока один из гномов, по имени По, обладавший умом простым, но справедливым, не высказал следующее мнение:

— По-моему, прежде всего следует разбудить эту девочку, раз она сама не просыпается; если она проспит так всю ночь, то у нее завтра распухнут веки, и красота ее заметно уменьшится, ибо спать в лесу на берегу озера крайне нездорово.

Это мнение было единодушно одобрено, так как оно не противоречило никакому другому.

Пик, похожий на престарелого поэта, согбенного недугами, приблизился к девочке и глубокомысленно уставился на нее, полагая, что единого взгляда его будет достаточно, чтобы пробудить спящую от самого глубокого сна. Но Пик заблуждался насчет могущества своих очей, и Пчелка продолжала спать, сложив ручки.

Видя это, добродетельный Тад легонько потянул ее за рукав. Пчелка приоткрыла глаза и приподнялась, опершись на локоток. Когда она увидела, что лежит на постельке из мха, а вокруг нее толпятся гномы, она решила, что все это ей снится, и принялась тереть глазки, чтобы прогнать сон и вместо этих фантастических видений увидеть ясный утренний свет и свою голубую спаленку, где ей полагалось находиться. В мозгу ее, затуманенном сном, не осталось ни следа воспоминаний о путешествии на озеро. Но как она ни терла глаза, гномы не исчезали, и тут уж ей пришлось поверить, что они все — самые настоящие. Тогда, с тревогой оглядевшись по сторонам, она увидела лес, вспомнила все и в испуге закричала:

— Жорж! Братец мой, Жорж!

Гномы засуетились вокруг нее, а ей было так страшно смотреть на них, что она закрыла лицо руками.

— Жорж! Жорж! Где мой братец Жорж? — кричала она, рыдая.

Гномы ничего не могли ей ответить по той простой причине, что они и сами не знали этого. А она плакала горячими слезами, призывая мать и брата.

Гному По тоже хотелось заплакать вслед за ней, но, проникнутый желанием утешить ее, он обратился к ней с следующей весьма невнятной речью.

— Не огорчайтесь так, — сказал он ей, — жалко, если такая красotka испортит себе глазки слезами. Расскажите нам лучше, как вы сюда попали, это, должно быть, очень интересное приключение и доставит нам великое удовольствие.

Пчелка его не слушала. Она встала и хотела бежать, но ее босые ножки распухли, и ей стало так больно, что она упала на колени и зарыдала. Тад поддержал ее, а По нежно поцеловал ей ручку. Тогда она решилась поглядеть на них и увидела, что они смотрят на нее с сочувствием. Пик показался ей существом одержимым, но безобидным, и, видя, что все человечки глядят на нее ласково и благожелательно, она сказала:

— Очень жалко, маленькие человечки, что вы такие уродцы, но я все равно буду вас любить, если вы мне дадите покушать, потому что мне очень хочется есть.

— Боб, — закричали разом все гномы, — а ну-ка, живо за ужином!

И Боб умчался на своем вороне. Но все-таки у них было чувство, что девочка несправедлива к ним, считая их уродами. Рюг страшно возмутился, а Пик говорил себе: «Ведь это просто ребенок, разве она может видеть пламя гения, сверкающее в моих очах и придающее им мощь, которая укрощает, и нежность, которая чарует». По думал: «Лучше бы я не будил эту девочку, которая думает, что мы уроды». Но Тад сказал с улыбкой:

— Вы, малютка, не будете считать нас такими уродами, когда узнаете нас поближе и полюбите.

Тут снова появился Боб на своем вороне. В руке у него было золотое блюдо с жареной куропаткой, крупичатым хлебцем и бутылкой бордосского вина. Он поставил это блюдо к ногам Пчелки, почтительно перекувырнувшись в воздухе бесчисленное количество раз.

Пчелка покушала и сказала:

— Маленькие человечки, ваш ужин был очень вкусный. Меня зовут Пчелка, давайте поищем моего братца, а потом все вместе пойдем в Кларида, потому что там нас ждет мама и ужасно беспокоится.

Но Диг, — а он был добрый гном, — объяснил Пчелке, что она идти никак не может, что брат у нее уже большой, он и сам отыщется, и что с

ним ничего не могло случиться в этом краю, ибо здесь уже давно истреблены все дикие звери.

— Мы сделаем носилки, — сказал он, — покроем их охапками листьев и мха, чтобы вам было удобно лежать, и отнесем вас в горы и представим королю гномов, как того требуют обычаи нашего народа.

Все гномы захлопали в ладоши. Пчелка посмотрела на свои распухшие ножки и замолчала. Она несколько успокоилась, узнав, что в здешних лесах нет диких зверей, а в остальном она решила положиться на дружбу гномов.

Они уже трудились над носилками. Те, у которых были топоры, рубили сильными ударами под корень две молодые сосенки.

Это снова навело Рюга на прежнюю мысль:

— А что, если вместо носилок нам построить клетку?

Но он вызвал единодушное неодобрение. Тад окинул его презрительным взглядом и вскричал:

— Ты, Рюг, больше похож на человека, чем на гнома. Но хоть одно по крайней мере можно сказать, к чести нашего народа, что ты не только самый злой из нас, но и самый глупый.

А работа между тем спорилась. Гномы подпрыгивали высоко в воздух, чтобы достать до ветвей, которые они срезали на лету, а потом искусно складывали решеткой. Так они устроили удобное сиденье, покрыли его мхом и листьями и усадили на него Пчелку, а потом сразу схватились за носилки с двух сторон — оэ! — подняли их на плечи — гоп! — и отправились в путь, в горы — гип!

Глава X, которая подробно описывает прием, оказанный королем Локом Пчелке Кларидской

Они шли извилистой тропинкой по лесистому склону. В серой листве карликовых дубов там и сям вздымались гранитные глыбы, изглоданные и голые, а рыжая гора вдали с темными синеющими ущельями замыкала суровый пейзаж.

Шествие, которое открывал Боб на своем крылатом скакуне, вошло в горный проход, заросший кустами ежевики. Пчелка с рассыпавшимися по плечам золотыми волосами напоминала зарю, поднимающуюся из-за гор, если только это может быть правдой, что заря пугается, зовет на помощь маму и собирается бежать, потому что все это именно и случилось с девочкой, когда она вдруг увидела грозновооруженных гномов, стоявших засадами во всех извилинах ущелья.

Они стояли неподвижно, натянув лук или занеся копье. Их одежды из звериной кожи и длинные ножи, висевшие на поясе, придавали им устрашающий вид. Пернатая и мохнатая дичь лежала около них на земле. Но лица охотников отнюдь не отличались свирепостью; напротив, они казались такими же кроткими и спокойными, как и лесные гномы, на которых они были очень похожи.

Среди них стоял гном, преисполненный величия. За ухом у него красовалось петушье перо, а на голове — корона, усыпанная огромными драгоценными камнями. Мантия его была откинута на плечо, открывая мощную руку, унизанную золотыми обручами. Охотничий рог из слоновой кости и чеканного серебра висел у него на поясе. Левой рукой он спокойно опирался на копье, а правую поднес к глазам, чтобы удобнее было смотреть в ту сторону, откуда приближалась Пчелка и брезжил свет.

— Король Лок, — сказали ему лесные гномы, — мы принесли тебе прелестную малютку, которую мы случайно нашли. Ее зовут Пчелкой.

— Вы поступили похвально, — ответил король Лок, она будет жить среди нас, как повелевает обычай гномов.

Затем, приблизившись к Пчелке, он промолвил:

— Добро пожаловать, Пчелка!

Он говорил ласково, потому что уже проникся расположением к ней. Приподнявшись на цыпочки, он поцеловал ее свесившуюся ручку и сказал, что ей не только не сделают никакого зла, но, напротив, все ее желания будут исполняться, чего бы она ни захотела — ожерелий, зеркал, кашмирских тканей или китайских шелков.

— Мне бы хотелось башмачки, — ответила Пчелка.

Тогда король Лок ударил копьем в бронзовый диск, который висел на выступе утеса, и тотчас же что-то мелькнуло в глубине ущелья и стало подниматься к ним, подскакивая, словно мячик. По мере приближения мячик все увеличивался, и, наконец, перед ними появился гном; лицо его напоминало черты знаменитого Велизария, каким его изображают живописцы, но кожаный передник с нагрудником изобличал в нем сапожника. Это и в самом деле был главный мастер сапожников.

— Трюк, — сказал ему король, — выбери у нас в кладовых самую мягкую кожу, возьми золотой и серебряной парчи, спроси у моего казначея тысячу жемчужин самой чистой воды и из этой кожи, парчи, жемчужин сделай пару башмачков для нашей юной Пчелки.

Трюк тотчас же бросился к ногам Пчелки и тщательно снял с них мерку. Но она сказала:

— Лок-королек, пусть мне сейчас же дадут красивые башмачки, которые ты мне обещал, я их надену и пойду в Кларида к моей маме.

— Вы получите башмачки, Пчелка, — отвечал король Лок, — но получите их, чтобы гулять в недрах гор, а не для того, чтобы вернуться в Кларида; вы никогда не покинете нашего королевства, вы узнаете здесь чудесные тайны, в которые на земле еще не проник никто. Гномы лучше людей, и ваше счастье, что они подобрали вас.

— Это мое несчастье, — ответила Пчелка. — Лок-королек, дай мне деревянные башмаки, как у простых крестьян, и отпусти меня домой, в Кларида!

Но король Лок покачал головой в знак того, что это невозможно. Тогда Пчелка сложила ручки и сказала умоляющим голосом:

— Лок-королек, отпусти меня, и я буду очень тебя любить!

— Вы забудете меня, Пчелка, на вашей лучезарной земле.

— Лок-королек, я вас не забуду и буду любить вас так же, как люблю моего Ветерка.

— А кто это такой Ветерок?

— Это мой буланый конь; у него розовые поводья, и он ест у меня из рук. Когда он был маленький, оруженосец Верное Сердце приводил его по утрам ко мне в детскую, и я его целовала. Но только Верное Сердце теперь

в Риме, а Ветерок уж вырос и не может ходить по лестницам.

Король Лок улыбнулся.

— Пчелка, а вы не хотите полюбить меня еще больше, чем вы любите Ветерка?

— Хочу.

— Вот это хорошо!

— Я очень хочу, но не могу, потому что я вас ненавижу, Лок-королек, за то, что вы не позволяете мне вернуться к маме и Жоржу.

— А кто такой Жорж?

— Жорж — это Жорж, и я его люблю.

Расположение короля Лока к Пчелке очень усилилось за эти несколько минут, и так как он уже подумывал жениться на ней, когда она подрастет, и даже с ее помощью помирить людей с гномами, у него возникло опасение, как бы этот Жорж впоследствии не сделался его соперником и не разрушил все его планы. Поэтому он нахмурил брови и отвернулся, опустив голову, как человек, отягченный заботами.

Пчелка увидела, что рассердила его, и потянула его легонько за полу мантии.

— Лок-королек, — сказала она грустным и нежным голосом, — почему мы так огорчаем друг друга?

— Пчелка, — сказал король Лок, — такова уж сила вещей; я не могу отпустить вас к вашей матери, но я пошлю ей сновиденье, из которого она узнает о вашей судьбе, дорогая Пчелка, и это сновиденье утешит ее.

— Лок-королек, — ответила Пчелка, улыбаясь сквозь слезы, — это ты хорошо придумал, но только я тебе скажу, что надо сделать: надо каждую ночь посылать моей маме сны, в которых она будет видеть меня, а мне каждую ночь посылать сны, в которых я буду видеть ее.

И король Лок обещал ей это. И как сказал, так и сделал. Каждую ночь Пчелка видела свою мать, и каждую ночь герцогиня видела свою дочку. И это было маленьким утешеньем для их любящих сердец.

Глава XI, в которой очень подробно описываются достопримечательности царства гномов, равно как и куклы, подаренные Пчелке

Царство гномов находилось очень глубоко под землей и простиралось на большое расстояние в ее недрах. Хотя небо только чуть виднелось кое-где через расщелины в утесах, тем не менее площади, улицы, дворцы и залы этого подземного царства вовсе не были погружены в глубокий мрак. Только в некоторых покоях да в пещерах всегда было темно. Все остальное было освещено, но не лампами или факелами, а светилами и метеорами, которые излучали странный, фантастический свет, и этот свет озарял удивительные чудеса. Громадные здания были вырублены в скалах, там и сям возвышались дворцы, высеченные в граните на такой высоте, что их каменное кружево под сводом громадной пещеры терялось в тумане, пронизанном оранжевым сиянием маленьких светил, менее ярких, чем луна. В этом царстве были и грозные, неприступные крепости — каменные амфитеатры, расположенные таким огромным полукругом, что его нельзя было охватить взглядом, широкие колодцы с лепными стенками, куда можно было спуститься без конца и никогда не достигнуть дна. Все эти массивные строения, казалось бы, мало подходили к росту здешних обитателей, однако вполне соответствовали их причудливому и фантастическому нраву.

Гномы в колпачках, украшенных листьями папоротника, двигались вокруг этих зданий с непостижимым проворством. И нередко можно было видеть, как некоторые из них прыгали с высоты второго или третьего этажа на базальтовую мостовую и отскакивали от нее, как мячики. Лица их при этом сохраняли величественную важность, какую ваятели придают чертам великих мужей древности.

Никто не оставался праздным, каждый усердно занимался своим делом. Целые кварталы гудели от грохота молотков, скрежещущие голоса машин раздавались под сводами пещер, и как интересно было смотреть на это несметное множество рудокопов, кузнецов, золотобоев, ювелиров, гранильщиков алмазов, которые с обезьяньей ловкостью орудовали киркой, молотком, клещами, напильниками. Но был в этом царстве и более

уединенный край.

Там из горных пластов выступали мощные фигуры, гигантские колонны причудливых очертаний, казалось, восходили к самой седой древности. И там дворец с низкими дверьми простирал в глубине свои приземистые стены: это был дворец короля Лока. Прямо напротив стоял дом Пчелки, не дом, а скорее кукольный домик, состоящий из одной-единственной комнатки, обтянутой белой кисеей. В комнате чудесно пахло еловой мебелью. Расщелина в скале пропускала сюда дневной свет, а в ясные ночи через нее видны были звезды.

У Пчелки не было слуг, но весь народ гномов наперебой старался услужить ей и предупреждал все ее желания, кроме одного — снова вернуться на землю.

Самые ученые гномы, владевшие великими тайнами, охотно учили ее, правда не по книгам, потому что гномы не пишут книг, но они показывали ей всевозможные растения гор и долин, различные породы животных, разные камни, которые добываются из недр земли. И вот на таких-то наглядных образцах и примерах они с простодушным весельем открывали ей разные чудеса природы и тайны искусства.

Они дарили ей такие игрушки, каких даже дети богачей на земле и в глаза не видывали, потому что гномы были замечательные мастера и выдумывали всякие удивительные машины. Например, они сделали ей кукол, которые умели грациозно двигаться и изъясняться стихами с соблюдением всех поэтических правил. Когда их всех вместе приносили на маленькую сцену, декорации которой изображали берег моря, синее небо, дворцы и храмы, они разыгрывали необычайно интересные представления. Хотя они были ростом с ноготок, они двигались совсем как живые и точь-в-точь походили — кто на почтенных старцев, кто на зрелых мужей, а кто на прекрасных молодых девушек в белых туниках. Были среди них и матери, которые нежно прижимали к груди невинных младенцев. И эти красноречивые куклы объяснялись и действовали на сцене так, словно они и впрямь были одушевлены чувствами ненависти, любви или честолюбия. Они искусно переходили от радости к огорчению и так ловко подражали природе, что невольно заставляли смеяться и плакать. И Пчелка хлопала в ладоши, глядя на эти представления. Куклы, которые изображали тиранов, вызывали в ней ужас. И наоборот, она прониклась безграничной жалостью к кукле, которая некогда была принцессой, а потом стала вдовой и пленницей в траурном кипарисовом венке, и у нее не было никакого иного способа спасти жизнь своему ребенку, как только выйти замуж за того самого злодея, что сделал ее вдовой.

Пчелке никогда не надоедала эта игра, куклы умели разнообразить ее до бесконечности. Гномы также устраивали для нее концерты и учили ее играть на лютне, на виоль-д-амуре, на теорбе, на лире и еще на многих музыкальных инструментах. И она в скором времени стала прекрасной музыкантшей, а сцены, разыгрываемые перед ней куклами в театре, сообщали ей знание людей и жизни. Король Лок также бывал на этих представлениях и концертах, но он видел и слышал только Пчелку, к которой он мало-помалу привязался всей душой. А тем временем шли дни и месяцы, годы завершали свой круг, а Пчелка все жила среди гномов, и как ни развлекали ее непрерывно, она всегда тосковала по земле. Из девочки она превратилась в прекрасную молодую девушку. Выпавшая ей необычайная судьба наложила какой-то своеобразный отпечаток на ее лицо, и от этого оно казалось только еще милее.

Глава XII, в которой как нельзя лучше описывается сокровищница короля Лока

Исполнилось ровно шесть лет, день в день, как Пчелка жила у гномов. Король Лок позвал ее к себе во дворец и в ее присутствии приказал своему казначею сдвинуть огромный камень, который, казалось, был вмурован в стену, а на самом деле — только приставлен к ней. Все трое они прошли в открывшееся за громадным камнем отверстие и очутились в узкой расщелине скалы, где двоим нельзя было идти рядом. Король Лок первым ступил в этот темный проход, за ним шла Пчелка, держась за край королевской мантии. Они шли долго. Иногда стены расщелины сходились так близко, что молодая девушка боялась, — вот-вот они стиснут ее, и она не сможет двинуться ни вперед, ни назад, задохнется и умрет. А мантия короля Лока все убегала вперед по тесной и черной тропинке. Наконец король Лок нащупал рукой бронзовую дверь и открыл ее; сразу стало очень светло.

— Лок-королек, — воскликнула Пчелка, — а ведь я и не знала, что свет — такая прекрасная вещь!

Но король Лок взял ее за руку, ввел в залу, откуда исходил этот свет, и сказал:

— Гляди!

Пчелка, ослепленная, сначала ничего не видела, потому что эта огромная зала с высокими мраморными колоннами вся сверху донизу сверкала золотом.

В глубине на возвышении из блестящих драгоценных камней, оправленных в золото и серебро, куда вели ступени, покрытые чудесно расшитым ковром, стоял трон из золота и слоновой кости под балдахином из прозрачной эмали; по обе стороны трона высились две трехтысячелетние пальмы в гигантских вазах, выкованных когда-то самым искусным мастером из гномов. Король Лок взошел на этот трон и повелел девушке стать рядом с собой по правую руку.

— Пчелка, — сказал он ей, — это моя сокровищница, выбирайте себе все, что вам понравится.

Огромные золотые щиты висели на колоннах, к солнечные лучи, преломляясь в них, отражались сверкающими снопами; над ними

скрещивались шпаги и копья с султанами на остриях. Столы, расставленные вдоль стен, были сплошь заставлены чашами, кубками, кувшинами, бокалами, вазами, дароносицами, дисками, золотыми чарками и кружками, рогами для питья из слоновой кости с серебряными кольцами, громадными бутылками из горного хрусталя, золотыми и серебряными чеканными блюдами, ларцами, ковшами, сделанными в форме храмов, зеркалами, канделябрами, курильницами, светильниками, столь же удивительными своей искусной выделкой, сколь и необыкновенным материалом, и сосудами для сжигания благовоний, изображавшими чудовищ. А на одном из столов стояли шахматы из лунного камня.

— Выбирайте, Пчелка, — повторил король Лок.

Но, подняв глаза ввысь надо всеми этими богатствами, Пчелка увидела в отверстие потолка голубое небо, и, словно почувствовав, что только этот небесный свет и придавал драгоценностям их ослепительный блеск, она сказала:

— Лок-королек, мне хотелось бы вернуться на землю.

Тогда король Лок сделал знак своему казначею, и тот откинул тяжелый занавес, и они увидели громадный сундук с резными украшениями, окованный железом. Когда подняли крышку сундука, оттуда хлынули потоки лучей тысячи самых разнообразных и чудесных оттенков; каждый луч исходил от драгоценного камня, отшлифованного с великим мастерством. Король Лок погрузил руки в эти камни, и тут стало видно, как в этой лучезарной массе переливаются и лиловый аметист, и девий камень, и изумруды трех цветов: один — темно-зеленый, другой — называемый медовым, потому что он цвета меда, и третий — голубовато-зеленый, что зовется бериллом и посылает добрые сны; и восточный топаз, и рубин, прекрасный, как кровь храбрецов, и сапфир темно-синий, который называют мужским сапфиром, и бледно-голубой сапфир, называемый женским, и камень кимофан, и гиацинт, и кошачий глаз, и бирюза, и опал, сияние которого нежнее зари, и аквамарин, и сирийский гранат. Все эти камни были самой прозрачной воды и самого лучезарного блеска. А крупные бриллианты среди этих цветных огней вспыхивали ослепительными белыми искрами.

— Выбирайте, Пчелка, — сказал король Лок.

Но Пчелка покачала головой и сказала:

— Лок-королек, все эти камни я отдам за один-единственный солнечный луч, что играет на шиферной крыше Кларидского замка.

Тогда король Лок открыл второй сундук, где были одни жемчуга. Но

все жемчужины были чистые и круглые, их переменчивый блеск отражал все краски неба и моря, и сияние их было так нежно, что казалось пронизанным любовной мечтой.

— Берите, — сказал король Лок.

Но Пчелка ответила:

— Лок-королек, эти жемчуга напоминают мне взгляд Жоржа де Бланшеланд. Мне нравятся эти жемчуга, но еще больше мне нравятся глаза Жоржа.

Услышав эти слова, король Лок отвернулся. Но все же он приказал открыть третий сундук и показал молодой девушке кристалл, в котором с первозданных времен была пленена капля воды; когда кристалл поворачивали, видно было, как переливается в нем эта капля. Он показал ей еще куски янтаря, в которых миллиарды лет были заключены насекомые, еще более яркие, чем драгоценные камни. Можно было различить их нежные лапки и тонкие усики, и, казалось, они могли бы вот-вот улететь, если бы благодаря какой-нибудь волшебной силе их пахучая тюрьма растаяла, как лед.

— Это великие чудеса природы, и я дарю их вам, Пчелка.

Но Пчелка ответила:

— Лок-королек, оставьте себе янтарь и кристалл, ведь я не могу освободить ни эту мушку, ни эту капельку.

Король Лок посмотрел на нее задумчиво и сказал:

— Пчелка, ваши ручки достойны хранить лучшие сокровища мира. Вы будете владеть ими, но они вами не будут владеть. Скупец — пленник своего золота; только тем, кто презирает богатство, безопасно быть богатыми: их душа всегда будет больше, нежели их сокровища.

Сказавши так, он подал знак казначею, и тот поднес молодой девушке золотую корону на подушке.

— Примите эту драгоценность как знак того уважения, которое мы питаем к вам, Пчелка, — сказал король Лок. — Отныне вас будут называть принцессой гномов.

И он возложил корону на голову Пчелки.

Глава XIII, в которой король Лок объясняется в своих чувствах

Пышными празднествами ознаменовали гномы коронавание своей первой принцессы. Веселые, беспечные игры чередовались без всяких расписаний в громадном амфитеатре; маленькие человечки, кокетливо украсив свои колпачки веточкой попоротника или двумя дубовыми листиками, радостно прыгали по подземным улицам. Праздники длились целый месяц. Пик в своем опьянении имел вид вдохновенного смертного; добродетельный Тад опьянялся общим счастьем; нежный Диг от радости проливал слезы; Рюг, развеселившись, снова требовал, чтобы Пчелку посадили в клетку: тогда уж гномам можно будет не опасаться, что они потеряют такую очаровательную принцессу; Боб верхом на своем вороне оглашал воздух такими веселыми криками, что даже эта черная птица, заразившись общим весельем, издавала отрывистое шаловливое покаркивание.

Только один король Лок грустил.

Но вот на тридцатый день, во время роскошного пира, который король Лок задал принцессе и всему народу гномов, король поднялся во весь рост на своем кресле, так что его доброе лицо приходилось теперь в уровень с ухом Пчелки.

— Принцесса моя Пчелка, — произнес он, — я хочу сделать вам одно предложение, которое вы вольны принять или отвергнуть. Пчелка Кларидская, принцесса гномов, хотите вы стать моей женой?

И, произнося это, король Лок, грустный и нежный, был похож на кроткого величавого пуделя. Пчелка потянула его за бороду и ответила:

— Лок-королек, я согласна быть твоей женой в шутку, чтобы посмеяться, но я никогда не буду твоей женой по-настоящему. Когда ты сейчас сделал мне предложение, ты мне напомнил Верное Сердце, который там, на земле, рассказывал, чтобы позабавить меня, самые необыкновенные вещи.

При этих словах король Лок быстро отвернулся, но все же Пчелка успела увидеть слезу, блеснувшую на ресницах гнома. И Пчелке сделалось жалко, что она его обидела.

— Лок-королек, — сказала она ему, — я люблю тебя таким, как ты

есть, а если ты меня смешишь, как Верное Сердце, то в этом нет ничего обидного, потому что Верное Сердце очень хорошо пел и был бы очень красивый, если бы только не седые волосы и красный нос.

Король Лок ответил ей так:

— Пчелка Кларидская, принцесса гномов, я люблю вас и надеюсь, что когда-нибудь и вы меня полюбите. Но, если бы у меня и не было этой надежды, я все равно любил бы вас так же. Я только прошу у вас в ответ на мою дружбу, чтобы вы всегда были искренни со мной.

— Это я обещаю тебе, Лок-королек!

— Хорошо. Так вот, скажите мне, Пчелка, любите ли вы кого-нибудь так, чтобы вам хотелось выйти за него замуж?

— Нет, Лок-королек, так я никого не люблю.

Тогда король Лок улыбнулся и, подняв свой золотой кубок, провозгласил зычным голосом тост за принцессу гномов. И невообразимый гул прокатился под сводами пещеры, и от него содрогнулась земля, потому что пиршественный стол в царстве гномов тянулся по всему подземелью с одного конца до другого.

Глава XIV, в которой рассказывается, как Пчелка увидала свою мать и не могла обнять ее

Теперь увенчанная короной Пчелка стала еще задумчивей и печальней, чем в те дни, когда ее кудри свободно рассыпались по плечам и она, смеясь, прибегала в кузницу гномов и дергала за бороды своих добрых друзей Пика, Тада и Дига, чьи лица, озаренные отблеском пламени, радостно оживлялись при ее появлении. Добрые гномы, которые когда-то сажали ее к себе на колени и играли с ней, называя ее своей Пчелкой, теперь низко кланялись, когда она проходила, сохраняя почтительное молчание. Она сожалела, что она уже не ребенок, и огорчалась, что она принцесса гномов.

Она уже не радовалась при виде короля Лока после того, как увидела, что он плачет из-за нее. Но она любила его, потому что он был добрый и потому что он страдал.

В один прекрасный день (если можно сказать, что в царстве гномов бывает день) она взяла короля Лока за руку и привела его к той расщелине утеса, куда проникал луч солнца, а в луче танцевали золотые пылинки.

— Лок-королек, — сказала она ему, — я страдаю. Вы король, вы меня любите, а я страдаю.

Услышав эти слова из уст красивой молодой девушки, король Лок ответил:

— Я люблю вас, Пчелка Кларидская, принцессу гномов, и вот поэтому-то я оставил вас в нашем мире, чтобы открыть вам наши тайны, которые больше и мудрее всего, что вы могли бы узнать на земле среди людей, ибо люди не так искусны и не так мудры, как гномы.

— Да, — сказала Пчелка, — но они больше похожи на меня, чем гномы, и потому я их больше люблю. Лок-королек, дайте мне снова увидеть мою мать, если вы не хотите, чтобы я умерла.

И король Лок удалился, не ответив ни слова.

Пчелка, оставшись одна, в отчаянии смотрела на луч того света, в котором нежится вся земля и который обнимает своими сияющими волнами всех живых людей вплоть до нищих, бредущих по дорогам. Медленно бледнел этот луч, и вот уже его золотистое сияние превратилось в бледно-голубой отсвет. Ночь пришла на землю. И через расщелину замерцала звезда.

Тогда кто-то тихонько дотронулся до ее плеча, и она увидела короля Лока, закутанного в черный плащ. В руке у него был еще один плащ, которым он укрыл молодую девушку.

— Идем, — сказал он.

И он вывел ее вон из подземелья. Когда Пчелка снова увидела деревья, трепещущие на ветру, облака, набегающие на луну, и всю эту торжественную ночь, свежую и синюю, когда она почувствовала запах трав и тот воздух, которым она дышала в детстве, широкой волной полился ей в грудь, она глубоко вздохнула, и ей показалось, что она вот-вот умрет от блаженства.

Король Лок взял ее на руки; как ни мал он был ростом, он нес ее легко, словно перышко, и они скользили по земле, как тени двух птиц.

— Пчелка, вы увидите вашу мать. Но выслушайте меня. Вы знаете, что каждую ночь я посылаю ваш образ во сне вашей матери. Каждую ночь она видит ваш дорогой призрак, улыбается ему, говорит с ним, обнимает его. Сегодня ночью я покажу ей вас самое вместо вашего двойника. Вы увидите свою мать, но не прикасайтесь к ней, не говорите с ней, потому что тогда чары разрушатся и она уже никогда больше не увидит ни вас, ни ваш образ, который она не отличает от вас.

— Хорошо, Лок-королек, я буду осторожна, — вздохнула Пчелка... — Ах, вот он! Вот он!

И в самом деле, башня Кларидского замка, вся черная, уж вырисовывалась на холме. Не успела Пчелка послать поцелуй старым, любимым стенам, как увидела бегущий мимо городской вал, заросший левкоями; вот она уже взбегает по откосу, где в траве горят светляки, вот и потайная дверь, которую король Лок открыл без труда, потому что для гномов, покорителей металлов, никакие замки, болты, никакие засовы, цепи и решетки не служат преградой.

Она поднялась витой лестницей, которая вела в покои ее матери, и остановилась, прижав обе руки к трепетно бьющемуся сердцу. Дверь тихонько растворилась, и при свете ночника, висевшего на потолке опочивальни, в благоговейной тишине, царившей здесь, Пчелка увидела свою мать, исхудавшую и бледную, с сединой на висках, но еще более прекрасную для своей дочери, чем в те далекие дни, когда она носила драгоценные украшения и гордо скакала на коне. А герцогиня в это время увидела свою дочь во сне и протянула руки, чтобы обнять ее. И дочь, смеясь и рыдая, уже хотела броситься в эти раскрытые объятия, но король Лок схватил ее, не дав ей упасть на грудь матери, и понес словно соломинку через синие поля назад, в царство гномов.

Глава XV, из которой узнают о великом горе короля Лока

Пчелка, сидя на гранитных ступенях подземного дворца, снова смотрела на голубое небо в расщелине утеса. Там бузина протягивала навстречу солнцу свои маленькие белые зонтики. Пчелка заплакала. Король Лок взял ее за руку и сказал:

— Пчелка, отчего вы плачете и что вы хотите?

И так как она уж не первый день грустила, гномы, усевшись у ее ног, старались развлечь ее бесхитростными мелодиями на флейте, свирели, трехструнной скрипке и литаврах, а другие, чтобы развеселить ее, так ловко кувыркались, что верхушки их колпачков, украшенных кокардой из листьев, так и мелькали в воздухе один за другим; нельзя было представить себе ничего более забавного, чем игры этих маленьких человечков с длинными, как у старых отшельников, бородами. Добродетельный Тад, чувствительный Диг, которые полюбили Пчелку с того дня, как увидели ее спящей на берегу озера, и Пик, старый поэт, — все поочередно брали ее за руку и умоляли открыть им тайну ее горести. Простодушный, но справедливый По принес ей винограду в корзинке, и все они, дергая ее за платье, повторяли вместе с королем Локом:

— Пчелка, принцесса гномов, отчего вы плачете?

Пчелка отвечала:

— Лок-королек, и вы, маленькие человечки! Вы стараетесь проявить ваши дружеские чувства ко мне, потому что вы очень добрые, вы плачете, когда я плачу. Так знайте же, что я плачу, вспоминая о Жорже де Бланшеланд. Он уже теперь, наверно, храбрый рыцарь, а я его больше не увижу. Я люблю его, и мне хотелось бы стать его женой.

Король Лок отдернул свою руку, которою он крепко сжимал руку девушки, и воскликнул:

— Почему же вы обманули меня, Пчелка, когда за пиршественным столом сказали мне, что никого не любите?

Пчелка ответила:

— Лок-королек, я не обманула тебя за пиршественным столом. Я не хотела тогда быть женой Жоржа де Бланшеланд, а теперь самое мое заветное желание — чтобы он попросил меня в жены. Но он не попросит

меня в жены, потому что я не знаю, где он, а он не знает, где меня искать. Вот поэтому я и плачу.

При этих словах музыканты перестали играть на своих инструментах, прыгуны прекратили свои прыжки и так и застыли, кто стоя на голове, кто присев на корточки, Тад и Диг молча обливали слезами рукав Пчелки, простодушный По уронил свою корзинку с виноградными гроздьями, и все человечки горестно застонали.

Но король гномов в короне со сверкающими камнями, огорченный больше всех, удалился, не произнеся ни единого слова, и его мантия потянулась за ним, словно пурпурный поток.

Глава XVI, в которой приводятся слова мудреца Нура, чрезвычайно обрадовавшие маленького короля Лока

Король Лок не обнаружил своей слабости перед молодой девушкой, но, когда он остался один, он сел на землю, обхватил колени руками и предался горести.

Он ревновал и говорил себе:

— Она любит! И она любит не меня! А ведь я король, я преисполнен мудрости, я владею сокровищами и чудесными тайнами! Я лучший из гномов, а гномы лучше людей. И она меня не любит, а любит юношу, которому совершенно недоступна мудрость гномов, а быть может, недоступна и никакая мудрость. Ясно, она не питает никакого уважения к добродетелям и совершенно неразумна. Мне следовало бы смеяться над ее безрассудством, но я люблю ее, и ничто на свете мне не мило, потому что она меня не любит.

Долгие дни скитался король Лок один-одинешенек по самым диким ущельям гор, перебирая в уме разные грустные, а подчас и недобрые мысли. Он думал, не попытаться ли ему сломить Пчелку заключением и голодом, чтобы заставить ее стать его женой. Но едва только эта мысль зародилась, он тут же отогнал ее и стал мечтать о том, как он пойдет к Пчелке и бросится к ее ногам. Но и на этом он не остановился и так и не знал, что ему делать. И правда, ведь не от него зависело, чтобы Пчелка полюбила его. Внезапно гнев его обратился на Жоржа де Бланшеланд. Ему страстно захотелось, чтобы этого юношу унес далеко-далеко отсюда какой-нибудь волшебник или по крайней мере чтобы Жорж пренебрег любовью Пчелки, если ему когда-нибудь довелось бы узнать о ней.

Король размышлял.

— Хотя я и не стар, — говорил себе король Лок, — но я живу уже очень долго. Мне не раз приходилось страдать. Но все мои страдания, как ни глубоки они были, никогда не оставляли во мне такого чувства горечи, какое я испытываю теперь. Сочувствие или жалость, вызывавшие их, сообщали им какую-то дивную кротость. Сейчас, напротив, я чувствую, что скорбь моя отравлена едкой горечью, ядом злого желания. Душа моя

иссохла, а очи исходят жгучими слезами.

Так размышлял король Лок. И, опасаясь, что ревность сделает его несправедливым и злым, он избегал встреч с молодой девушкой, ибо страшился, что невольно заговорит с ней языком человека слабого или неистового.

Однажды, когда мысль о любви Пчелки к Жоржу терзала его сильнее обычного, он решил посоветоваться с Нуром, самым мудрым из гномов, который жил на дне глубочайшего колодца, вырытого в недрах земли.

Этот колодец был замечателен тем, что в нем всегда царило ровное и мягкое тепло. Там вовсе не было темно, потому что два маленьких светила, бледное солнце и красная луна, освещали, чередуясь, все его закоулки. Король Лок спустился туда и застал Нура в его лаборатории. У Нура было доброе лицо кроткого старичка, а на своем колпачке он носил богородицыну травку. Несмотря на свою мудрость, он был чист сердцем и простодушен, как и все гномы.

— Нур, — сказал король, обнимая его, — я пришел к тебе посоветоваться, потому что тебе известны многие вещи.

— Король Лок, — отвечал Нур, — я мог бы знать множество разных вещей и тем не менее остаться глупцом. Но мне известен способ постичь немногие из тех бесчисленных вещей, которые мне неведомы, и вот поэтому-то я справедливо пользуюсь славой мудреца.

— Так вот, — продолжал король Лок, — не знаешь ли ты, где в настоящее время находится некий юноша по имени Жорж де Бланшеланд?

— Не знаю и никогда в жизни не стремился узнать, — отвечал Нур. — Поскольку мне известно, что люди глупы, несведущи и злы, меня мало интересует, что они думают и что делают. Если бы не храбрость мужчин, красота женщин и невинность детей, — а это все, что есть достойного у этой высокомерной и ничтожной породы, о король Лок, — все человечество в целом было бы просто жалко и смешно. Как и гномы, они должны трудиться, чтобы жить, но они восстают против этого божественного закона и не только не находят счастья в труде, как мы, но предпочитают воевать вместо того, чтобы работать; им больше нравится убивать друг друга, чем помогать один другому. Но, если быть справедливым, надо признать, что краткость их жизни — главная причина их невежества и свирепости. Они живут так недолго, что не успевают научиться жить. И народ гномов, живущий под землей, лучше и счастливее их. Если мы и не бессмертны, то каждый из нас по крайней мере существует столько же времени, сколько существует земля, которая дает нам приют в своем лоне и согревает нас своим подспудным животворным

теплом, тогда как на долю той породы, что родится на ее жесткой коре, достается только ее дыхание, то обжигающее, то леденящее, и оно несет с собой смерть вместе с жизнью. Однако же благодаря чрезмерности своих несчастий и своей жестокости люди обладают одной добродетелью, которая делает душу некоторых из них более прекрасной, чем души гномов. Эта добродетель, сияние которой для мысли то же, что для очей нежное сияние жемчуга, о король Лок, — это чувство жалости. А познается оно в страданиях. Гномам оно мало знакомо, ибо они мудрее людей и у них меньше горестей. Поэтому-то гномы выходят иногда из своих глубоких пещер на немилостливую кору земную и живут с людьми, чтобы любить и страдать за них и заодно с ними и таким образом познать чувство жалости, которое освежает душу, как небесная роса. Такова правда о людях, о король Лок. Но ведь ты спрашивал меня о личной судьбе одного из них?

Король Лок повторил свой вопрос, и старый гном стал смотреть в одно из зрительных стекол, которых было множество в комнате. Ибо у гномов совсем нет книг, а те, которые у них бывают случайно, попадают к ним от людей и служат им игрушками. Чтобы научиться чему-нибудь, они не читают, как это делаем мы, знаки, нанесенные на бумагу: они смотрят в зрительное стекло и видят тот самый предмет, который их интересует. Однако трудность заключается в том, чтобы выбрать подходящее стекло и уметь с ним обращаться.

Некоторые стекла сделаны из хрусталя, иные из топаза и опала, но те, чечевица которых представляет собой большой отполированный алмаз, обладают наибольшим могуществом, и при их помощи можно видеть самые отдаленные предметы.

Кроме того, у гномов имеются лупы из некоей прозрачной породы, неизвестной людям. С их помощью они обретают возможность проникать взором сквозь стены и скалы, как если бы те были из стекла. А есть и другие, еще более чудесные, которые точь-в-точь, как зеркало, отражают все, что время уносит в своем быстром течении, ибо гномы умеют вызывать в свои пещеры из бесконечной глубины эфира свет давнего прошлого со всеми формами и красками минувших дней. Они созерцают прошлое, улавливая потоки света, которые, раздробившись некогда о тела людей и животных, растения и камни, снова воссоединяются через многие тысячелетия в бездонном эфире.

Старый Нур отличался великим умением обретать формы древних времен и даже те непостижимые формы, которые существовали задолго до того, как облик земли стал таким, каким мы видим его ныне, так что для него было сушей забавой найти Жоржа де Бланшеланд.

Поглядев с минуту в одно совсем простенькое стеклышко, он сказал королю Локу:

— Король Лок, тот, кого ты ищешь, находится в плену у ундин, в их хрустальном дворце, откуда никто не возвращается и радужные стены которого находятся у границ твоего королевства.

— Он там? Ну, так пусть там и остается! — вскричал король Лок, потирая руки. — Желаю ему всего хорошего!

И, обняв старичка Нура, он ушел из колодца, хохоча во все горло.

Всю дорогу он держался за живот и хохотал без удержу; его голова тряслась, борода подсакивала на животе:

— Хо-хо-хо! ха-ха-ха!

Человечки, которые ему встречались по пути, радовались, глядя на него, и тоже начинали хохотать, а глядя на них, и другие покатывались со смеху; так хохот передавался от одних к другим, и, наконец, вся утроба земли затряслась в этой ликующей икоте:

— Ах! ха! ха! ах! ха-ха-ха! Ох-хо-хо! Их-хо-хо! Ха-ха-ха! Ха! ха-ха-ха!

Глава XVII, в которой рассказывается о необыкновенных приключениях Жоржа де Бланшеланд

Король Лок, однако, хохотал недолго. Наоборот, он скоро улегся на свое ложе, бедный маленький человечек, и закрылся с головой, спрятав под одеялом свое огорченное личико. Размышляя о Жорже де Бланшеланд, пленнике ундин, он всю ночь не сомкнул глаз. А на рассвете, в тот час, когда гномы, которые дружат со служанками на ферме, идут доить за них коров, пока те еще спят крепким сном в своих белых кроватях, король Лок снова отправился к премудрому Нуру в его глубокий колодец.

— Нур, — окликнул он, — а ведь ты мне не сказал, что он там делает у ундин?

Старый Нур подумал было, что король Лок помешался, но это его не очень испугало, так как он знал, что если бы даже король Лок и впал в безумие, он несомненно был бы очень любезным, остроумным, обаятельным и добрым безумцем, потому что безумие у гномов столь же кротко, сколь и их разум, и полно прелестнейшей игры фантазии. Но король Лок вовсе не был безумным или во всяком случае не больше, чем обычно бывают влюбленные.

— Я говорю о Жорже де Бланшеланд, — сказал он старичку, который совершенно забыл об этом юноше.

Тогда мудрый Нур расположил в строгом порядке, но так замысловато, что это скорее было похоже на беспорядок, чечевицеобразные стекла и зеркала и показал в одном из них королю Локу живое изображение Жоржа де Бланшеланд таким, каким он был, когда его похитили ундины. Искусно подбирая и чередуя стекла, Нур показал влюбленному королю последовательную картину всех приключений сына графини, которой белая роза предсказала кончину. И если передать это словами, то вот что увидели два наши человечка в подлинном отображении живых форм и красок.

Когда Жоржа обхватили ледяные руки дочерей озера, он почувствовал, как вода сдавила ему глаза и грудь, и подумал, что он умирает. Однако он слышал песни, похожие на ласки, и всего его пронизывала какая-то восхитительная свежесть. Когда он открыл глаза, он увидел себя в гроте,

хрустальные колонны которого сияли нежными отблесками радуги. В глубине этого грота громадная перламутровая раковина, переливающаяся самыми нежными оттенками, красовалась в виде балдахина над тронном из кораллов и водорослей, на котором восседала королева ундин. Но лицо властительницы вод сияло еще более нежными красками, чем перламутр и кристаллы. Она улыбнулась мальчику, которого подвели к ней ундины, и остановила на нем долгий взгляд своих зеленых глаз.

— Друг мой, — сказала она, — будь желанным гостем в нашем мире, где ты не будешь знать никаких горестей. Здесь тебя не будут донимать ни сухим чтением, ни суровыми упражнениями, ничем грубым, что напоминало бы землю и труд. Здесь только песни, пляски и дружба ундин.

И на самом деле эти зеленоволосые женщины учили мальчика музыке, вальсу и тысяче всяких игр. Они забавлялись, украшая его лоб раковинами, которые сверкали у них в волосах. Но он вспоминал о родной земле и сжимал кулаки в нетерпенье и гневе.

Проходили годы, а Жорж все с тем же пылом мечтал увидеть землю, эту жесткую землю, которую жжет солнце, которая застывает под снегом, родимую землю, где страдают, любят, где он видел и жаждал снова увидеть Пчелку. А тем временем он стал уже юношей, и тонкий пушок золотил его верхнюю губу. К тому времени, как у него стала пробиваться борода, он собрался с мужеством и однажды, представ перед королевой ундин, поклонился ей и сказал:

— Госпожа моя, я явился затем, чтобы вы соизволили разрешить мне распрощаться с вами: я возвращаюсь в Клариды.

— Мой юный друг, — сказала, улыбнувшись, королева, — я не могу разрешить вам распрощаться с нами, как вы просите, потому что держу вас в моем хрустальном дворце, чтобы сделать моим возлюбленным.

— Госпожа моя, — возразил Жорж, — я чувствую себя недостойным столь великой чести.

— Это делает честь вашей учтивости. Все добрые рыцари думают, что им никогда не заслужить любовь дамы. К тому же вы еще слишком молоды и не можете оценить все ваши достоинства. Знайте, юный друг, вам здесь желают добра. А от вас требуется только повиноваться вашей даме.

— Госпожа моя, я люблю Пчелку Кларидскую и не хочу никакой другой дамы.

Королева сильно побледнела, отчего стала еще прекраснее, и воскликнула:

— Смертная девушка, грубая дочь человеческая эта Пчелка! Как вы можете любить ее?

— Не знаю, только знаю, что я ее люблю.

— Ну что ж! Это пройдет.

И она оставила юношу среди усад хрустального дворца.

Он не знал, что такое женщина, и напоминал скорее Ахиллеса меж дочерей Ликомеда, чем Тангейзера в очарованном гроте. Он печально бродил вдоль стен громадного дворца, выискивая какую-нибудь лазейку, чтобы бежать, но со всех сторон он видел только великолепное и немое царство волн, замыкавшее его сияющую тюрьму. Он смотрел сквозь прозрачные стены и видел, как распускаются морские анемоны, как расцветают кораллы и стаи пурпуровых, лазоревых и золотых рыб проплывают над нежными мадрепорами и переливающимися раковинами и одним движением хвоста взметают тысячи искр. Все эти чудеса нисколько не трогали его, но, убаюкиваемый сладкими песнями ундин, он чувствовал, как воля его мало-помалу слабеет и душа погружается в сон.

Он уже впал в полное безразличие и ленивую истому, когда случайно в одной из галерей дворца ему попала старая книга, пожелтевшая от времени, в переплете из свиной кожи с большими медными застежками. Эта книга, подобранная в глубине моря после кораблекрушения, рассказывала о рыцарях и о дамах, и в ней подробно описывались подвиги героев, которые из любви к справедливости и во имя красоты отправлялись бродить по белому свету, сражались с великанами, карали обидчиков, защищали вдов, давали приют сиротам. Жорж, то вспыхивая от восторга, то стгорая от стыда, то бледнея от ярости, читал рассказы об этих дивных приключениях. Он не мог удержаться и воскликнул:

— Я тоже буду добрым рыцарем! Я тоже поеду по белому свету карать злых и помогать несчастным, для блага людей и во имя дамы моего сердца, Пчелки.

И душа его преисполнилась отваги, и он бросился, обнажив меч, через покои хрустального дворца. Бледные женщины в испуге разбежались от него в разные стороны и исчезали, как серебристые волны озера. Только королева осталась невозмутимой. Когда он приблизился, она устремила на него холодный взгляд своих зеленых глаз.

Он подбежал к ней и вскричал:

— Разбей чары, которые оковали меня! Открой мне дорогу на землю! Я хочу сражаться под солнцем, как доблестный рыцарь! Я хочу вернуться туда, где любят, страдают, борются. Верни мне настоящую жизнь и настоящий свет! Верни мне мужество, иначе я убью тебя, злая женщина!

В ответ ему она, улыбаясь, покачала головой. Она была прекрасна и спокойна. Жорж ударил ее изо всех сил своим мечом, но меч его сломился о

сверкающую грудь королевы ундин.

— Дитя! — сказала она.

И она приказала бросить его в темницу, устроенную наподобие хрустальной воронки под ее дворцом; вокруг нее сновали акулы, разевая свои страшные пасти, вооруженные тремя рядами острых зубов. И казалось, они вот-вот разобьют тонкую стеклянную стенку, так что в этой необыкновенной темнице невозможно было ни на минуту уснуть.

Основание этой подводной темницы упиралось в каменный пласт, который представлял собою свод пещеры; это была одна из самых отдаленных и заброшенных пещер в царстве гномов.

Вот что увидели эти два человечка за один час и так ясно, как если бы они следовали за Жоржем шаг за шагом каждый день его жизни. После того как старый Нур показал страшную картину темницы во всей ее мрачной правде, он обратился к королю Локу примерно с такой речью, с какой бродячий артист обращается к маленьким детям, когда показывает им волшебный фонарь.

— Король Лок, — сказал он ему, — я показал тебе то, что ты хотел видеть, и так как теперь ты узнал все, мне нечего больше прибавить. Меня не волнует, понравилось ли тебе то, что ты видел, мне достаточно того, что все это правда. Знание не заботится о том, чтобы нравиться или не нравиться. Оно безжалостно. Оно не пленяет и не утешает. Это дело поэзии. Вот почему поэзия более необходима, чем знание. Поди, король Лок, и вели, чтобы тебе спели песню.

Король Лок вышел из колодца, не сказав ни слова.

Глава XVIII, в которой король Лок отправляется в страшное путешествие

Выйдя из колодца мудрости, король Лок пошел в свою сокровищницу и, открыв ларец, ключ от которого был только у него одного, достал оттуда перстень и надел его себе на палец. Камень в этом перстне излучал яркий свет, ибо это был волшебный камень, обладавший чудесными свойствами, с которыми вам еще предстоит познакомиться в нашем рассказе. Затем король Лок прошествовал в свой дворец, там он надел на себя дорожный плащ, натянул на ноги ботфорты и взял палку; после этого он отправился в путь по многолюдным улицам, большим дорогам, деревьям, порфирным галереям, нефтяным озерам и хрустальным гротам, которые сообщались друг с другом узкими проходами.

Он был задумчив и бормотал слова, в которых напрасно было бы искать смысл. Но он упорно шагал вперед. Горы преграждали ему путь — он преодолевал горы; пропасти разверзались у него под ногами — он спускался в пропасти; он переходил реки вброд, пересекал страшные пустыни, окутанные серными парами, шагал по горячей лаве, где ноги его оставляли глубокие следы, — словом, он был похож на очень упорного путешественника. Он проходил темными пещерами, где морская вода, просачиваясь капля за каплей, стекала по водорослям, словно слезы, и скоплялась в углублениях почвы, образуя лагуны, где бесчисленные ракообразные достигали чудовищных размеров. Огромные крабы, лангусты, гигантские омары, морские пауки хрустели под ногами гнома и в ужасе обращались в бегство, теряя на бегу сломанные клешни и нарушая спячку чудовищных трилобитов и тысячелетних спрутов, которые вдруг вытягивали сотни щупальцев и выплевывали из своего птичьего клюва зловонный яд. А король Лок все шел вперед. Он спустился на самое дно пещер, пробираясь сквозь груды панцирей, ошкетинившихся иглами клешней, вооруженных двойными пилами цепких лап, которые хватили его за шею, тусклых глаз, торчавших на концах длинных стеблей. Он дошел до конца пещеры и вскарабкался по стене, цепляясь за выступы скалы, а панцирные чудовища карабкались вслед за ним; он остановился только тогда, когда, наконец, нащупал рукой знакомый ему камень, выступавший в этом естественном своде. Он тронул его своим магическим перстнем, и камень

вдруг обрушился с ужасающим грохотом, и поток света хлынул в пещеру, и его чудесные волны обратили в бегство чудовищ, вскормленных мраком.

Король Лок просунул голову в отверстие, откуда шел свет, и увидел Жоржа де Бланшеланд, который томился в своей стеклянной тюрьме, мечтая о Пчелке, о земле. Ибо король Лок для того и пустился в это подземное путешествие, чтобы освободить пленника ундин. Но, увидев эту громадную голову, волосатую, бровастую и бородатую, которая глазела на него сквозь дно хрустальной воронки, Жорж решил, что ему угрожает великая опасность, и хотел было схватиться за меч, совсем забыв о том, что он сломал его о грудь зеленоокой женщины. А тем временем король Лок с любопытством разглядывал его.

— Фу! — сказал он себе. — Да это мальчишка!

И на самом деле это был мальчик, простодушный мальчик, и только это простодушие и спасло его от сладостных и смертельных поцелуев королевы ундин. Сам Аристотель со всей своей премудростью, и тот не сумел бы так удачно выпутаться из этой истории. Жорж, чувствуя себя безоружным, сказал:

— Чего ты от меня хочешь, ты, голован? Чего ты ко мне лезешь? Ведь я тебе ничего дурного не сделал.

Король Лок отвечал ему ворчливым, но вместе с тем и веселым тоном:

— Вы, мой малютка, не можете знать, сделали вы мне что-нибудь дурное или нет, ибо вам неведомы концы и начала, отраженные действия и вообще всякая философия. Но не будем об этом говорить. Если вам не жаль покинуть вашу воронку, идите-ка сюда!

Жорж тотчас же юркнул в пещеру, скользнул по стене и очутился внизу.

— Вы молодчина, маленький человечек, — сказал он своему избавителю, — я буду любить вас всю жизнь, а не знаете ли вы, где Пчелка Кларидская?

— Я много чего знаю, — отвечал гном, — и прежде всего знаю, что я терпеть не могу расспросов.

Услышав эти слова, Жорж сильно смутился и молча пошел за своим проводником сквозь густую и черную мглу, где копошились осьминоги и ракообразные. Тогда король Лок сказал ему насмешливо:

— Дорога-то не проезжая, мой юный принц!

— Сударь, — ответил ему Жорж, — дорога свободы всегда прекрасна, и я не боюсь заблудиться, следуя за моим благодетелем.

Король Лок прикусил губу. Дойдя до порфирных галерей, он показал юноше лестницу, вырубленную в скале гномами, по которой можно было

подняться на землю.

— Вот ваша дорога, — сказал он, — прощайте.

— Не говорите мне «прощайте», — вскричал Жорж, — скажите, что я вас еще увижу. Моя жизнь принадлежит вам после того, что вы для меня сделали.

На что король Лок ответил:

— То, что я сделал, я сделал не для вас, а для кого-то другого. Встречаться нам не стоит, ибо нам с вами не быть друзьями.

И Жорж, глядя на него открытым и грустным взором, промолвил:

— Никогда бы я не поверил, что мое освобождение может меня огорчить. И, однако, это так. Прощайте, сударь.

— Счастливого пути! — крикнул король Лок страшным голосом.

А лестница гномов кончалась в заброшенной каменоломне, которая находилась меньше чем в одном лье от Кларидаского замка.

Король Лок продолжал свой путь, бормоча себе под нос:

— У этого мальчишки нет ни мудрости, ни богатств, какими обладают гномы. Право, не могу понять, за что его любит Пчелка? Разве только за то, что он молод, красив, верен и храбр!

Он вернулся в свой город, посмеиваясь себе в бороду, как человек, сыгравший с кем-то ловкую штуку. Поравнявшись с домиком Пчелки, он просунул свою косматую голову в окошко, как недавно просунул ее в стеклянную воронку, и увидел, что молодая девушка сидит и вышивает серебряные цветы на фате.

— Будьте счастливы, Пчелка! — сказал он ей.

— И тебе того же желаю, Лок-королек, — ответила Пчелка, — пусть тебе будет так хорошо, чтобы нечего было и желать или по крайней мере не о чем было жалеть.

Желать-то у него было чего, но жалеть, правда, было не о чем. Подумав об этом, он с большим аппетитом поужинал. Поглотив изрядное количество фазанов, начиненных трюфелями, он позвал Боба.

— Боб, — сказал он ему, — садись-ка на своего ворона, лети к принцессе гномов и объяви ей, что Жорж де Бланшеланд, который долгое время был в плену у ундин, ныне возвратился в Клариды.

И не успел он это промолвить, как Боб уже умчался на своем вороне.

**Глава XIX,
в которой рассказывается о том, какая
удивительная, встреча произошла у
портного мастера Жана и какую
прекрасную песню пели птицы в саду
герцогини**

Когда Жорж очутился на земле, в том краю, где он родился, первый человек, которого он встретил, был мастер Жан, старый портной, — он нес на левой руке алую ливрею для мажордома в замок. Увидев своего молодого сеньора, старик завопил во всю глотку:

— С нами крестная сила! Святой Иаков! Ежели вы не сеньер Жорж, который вот уж семь лет, как утоп в озере, так, значит, вы его душа или сам дьявол во плоти!

— Я вовсе не душа и не дьявол, мой добрый Жан, я действительно тот самый Жорж до Бланшеланд, который когда-то прибежал к вам в лавку и выпрашивал у вас лоскутки на платья куклам для моей сестрицы Пчелки.

— Так, выходит, вы вовсе и не утопли, монсеньер! До чего я рад! Да и выглядите вы совсем молодцом! Мой внучек Пьер, который, бывало, карабкался ко мне на руки, чтобы посмотреть, как вы едете в церковь в воскресенье рядом с герцогиней, теперь уже большой мальй, красавец парень и хороший работник! Истинная правда, монсеньер, бога благодарю, какой парень. А уж как он доволен будет, когда узнает, что вы не на дне озера и вас не сглодали рыбы, как он думал! Бывало, как только заговорит об этом, чего-чего только но выдумает! Такой смышленный мальй, монсеньер! А уж вот что правда, то правда, об вас все в Клариде жалуют. Еще вы совсем маленький были, а уж видать было, какой молодец растет. А я так до самой смерти не забуду, как вы однажды потребовали у меня иглу, а я не дал, потому что вы еще малы были и вам иглу в руки давать было небезопасно, а вы мне и скажите: «Вот я пойду в лес да наберу хорошеньких еловых зеленых иголочек». Так вот и сказали, меня и сейчас, как вспомню, смех разбирает. Провалиться мне на этом месте, прямо так и сказали. Наш маленький Пьер, бывало, тоже за словом в карман не лазил. А

теперь он бочар, к вашим услугам, монсеньер!

— Лучшего бочара я и желать себе не могу. Но расскажите же мне, мастер Жан, что вы знаете о Пчелке и о герцогине.

— Э-эх! Да откуда же вы явились, монсеньер, что не знаете: вот уж семь лет, как принцесса Пчелка похищена горными гномами. А исчезла она в тот самый день, когда вы изволили утонуть; в этот день, можно сказать, Клариды потеряли два своих самых хорошеньких цветочка. А герцогиня-то уж как убивалась! Вот тут и скажешь, что и сильные мира тоже не без горя живут, как и самые простые ремесленники, потому как у всех у нас один праотец Адам. И значит, оно верно говорится, что и собака на епископа может глаза поднять. И уж так-то герцогине тяжело пришлось, что все волосы у нее побелели, и потеряла она всякую радость. И когда весной выходит она в своем черном платье погулять по саду, где птички на деревьях поют, так самой что ни на есть маленькой птахе скорей позавидуешь, чем властительнице Кларидской. Но все-таки горе ее не совсем без надежды, потому что, ежели про вас она и ничего не слышала, так про дочку свою, Пчелку, она из своих вещей снов знает, что та жива.

Добрый Жан болтал, не умолкая, рассказывал о том о сем, но Жорж, узнав, что Пчелка в плену у гномой, уже не слушал его. Он думал:

«Гномы держат Пчелку под землей, а меня из моей хрустальной тюрьмы освободил гном; видно, не все эти человечки одинакового нрава, и мой освободитель, конечно, не из тех гномов, что похитили мою сестрицу».

Он не знал, как ему поступить, знал только, что нужно освободить Пчелку.

Между тем они шли по городу, и кумушки, сидевшие на крылечках, поглядывали с любопытством на юного незнакомца, спрашивая друг у друга, кто бы это мог быть, и все сходились на одном, что он очень недурен собой. Некоторые из них, подогадливей, взглядевшись, узнали сеньора де Бланшеланд и тут же бросились бежать, осеняя себя широким крестом, решив, что это выходец с того света.

— Надо бы покропить его святой водой, — сказала одна старуха, — вот он сразу и сгинет, только оставит после себя смрадный дух адской серы, не то уведет он нашего мастера Жана, да и засадит его живьем в адское пламя.

— Потихе ты, старуха! — одернул ее один горожанин. — Молодой сеньор жив-живехонек, живей нас с тобой. Гляди-ка, цветет, как розан, и похоже, вернулся от какого-нибудь княжеского двора, а никак не с того света. Из далеких стран ворочаются, бабушка, свидетель тому оруженосец Верное Сердце, что вернулся из Рима в прошлом году на Иванов день.

А Маргарита, дочь оружейника, вдосталь налюбовавшись Жоржем, поднялась в свою девичью светелку и, бросившись на колени перед образом святой девы, стала молиться:

— Пресвятая дева! Сделай так, чтобы муж у меня был точь-в-точь такой, как молодой сеньор.

Всякий по-своему судачил о возвращении Жоржа, и так эта новость, передаваясь из уст в уста, дошла до герцогини, которая гуляла в это время у себя в саду. Сердце ее затрепетало, и вдруг она услышала, как все птицы кругом на деревьях защебетали:

Тви! тви! тви!
Он здесь! здесь! тви!
Жорж де Бланшеланд!
Тви! тви! тви!
Тут! тут! тут!
Скорей! сюда! сюда!
Тви! тви! тви!
Да! да! да!

Оруженосец Верное Сердце почтительно приблизился к ней и сказал:
— Госпожа моя герцогиня, Жорж де Бланшеланд, которого вы считали погибшим, возвратился; мне уже не терпится сложить про это песню.

А птицы распевали:

Тиви! тиви! тут!
Тут! тут! тут!
Тиви! Фрр! здесь! здесь! здесь! здесь!

И когда герцогиня увидела мальчика, которого она растила как родного сына, она раскрыла ему объятия и упала без чувств.

Глава XX, которая рассказывает об атласной туфельке

В Кларидях нисколько не сомневались, что Пчелка похищена гномами. Так думала и герцогиня, но ее сны не говорили этого прямо.

— Мы ее найдем! — говорил Жорж.

— Найдем! — вторил ему Верное Сердце.

— Мы ее вернем матери! — говорил Жорж.

— Вернем! — подтверждал Верное Сердце.

— И мы возьмем ее в жены! — говорил Жорж.

— Возьмем! — повторял Верное Сердце.

И они расспрашивали окрестных жителей о повадках гномов и о загадочных обстоятельствах похищения Пчелки.

И вот как-то случилось, что они пришли к кормилице Морилле, которая вскормила своим молоком герцогиню Кларидскую; только теперь у Мориллы уже не было молока для грудных ребят, и она кормила кур на птичьем дворе.

Там-то ее и нашли сеньор и оруженосец. Она кричала: «Цып! цып! цы-ып! цыпи! цыпи! Цыпи! цып! цып! цы-ып!» — и бросала зерно цыплятам.

— Цып! цып! цы-ып! цыпи! цыпи! цыпи! А, да это вы, монсеньер! Цып! цып! цып! Да как же это вы такой большой выросли... цып! и такой красивый! цып! цып! Кш! кш! кш! Видали вы этого обжору, он готов съесть у маленьких весь корм? Кш! кш! пшел! Вот так-то и на белом свете, монсеньер. Все добро достается богатеям. Тощие тощуют, а толстяки толстеют. Потому что нет правды на земле. А чем я могу служить монсеньеру? Уж верно, вы не откажетесь выкушать оба по стаканчику сидра?

— Нет, не откажемся, Морилла, и дай-ка я расцелую тебя, потому что ты вскормила мать той, кого я люблю больше всего на свете.

— Что правда, то правда, монсеньер; и первые зубки у моей дитятки прорезались ровно через шесть месяцев и четырнадцать дней. И по этому случаю покойная герцогиня сделала мне подарок. Истинная правда.

— Ну, так вот, расскажи нам, Морилла, что ты знаешь о гномах, которые похитили Пчелку.

— Э-эх, монсеньер! Да ничего я не знаю об этих гномах, которые ее

похитили. Да и как вы хотите, чтобы такая старуха, как я, могла что-нибудь знать? Уж я давным-давно позабыла и то небольшое, что знала, и так у меня память отшибло, что иной раз никак вспомнить не могу, куда я засунула очки. Другой раз ищешь-ищешь, а они на носу. Попробуйте-ка моего сидра, сейчас со льда.

— За твоё здоровье, Морилла!.. А вот говорят, твой муж знал что-то о том, как похитили Пчелку.

— Что правда, то правда, монсеньер. Хоть и не ученый был человек, а немало вещей знал, толкался по харчевням да по кабачкам. И ничего не забывал. Коли бы еще он жил на белом свете да сидел бы с нами за этим столом, он бы вам много чего порассказал, вы бы его до утра не устали слушать. Столько он мне, бывало, всякой всячины наговорит, разных происшествий да историй, что у меня от них просто каша в голове, — разве упомнишь, где у какой начало, а где конец. Все перепуталось, истинная правда, монсеньер.

Да, это была истинная правда, и голова кормилицы поистине была похожа на старый дырявый горшок. Жоржу и Верному Сердцу пришлось немало потрудиться, чтобы вытянуть из нее что-нибудь дельное. Но все же, расспросив ее хорошенько, они услышали нижеследующий рассказ, который начинался так:

— Вот уж тому семь лет, монсеньер, — да в тот самый день, когда вы с Пчелкой ушли, не спросись, на прогулку, из которой не вернулись ни вы, ни она, — мой покойный муж отправился в горы продавать лошадь. Так вот оно и было, истинная правда, монсеньер. Он задал скотине добрую меру овса, намоченного в сидре, чтобы в глазах у нее появился блеск, а поджилки стали тугими, и повел ее в горное село на ближней рынок. И там сбывл ее за хорошие деньги, так что ему не пришлось пожалеть ни об овсе, ни о сидре. Что скотина, что человек — и тех и других по наружности уважают. Мой покойник-муж уж так был доволен, что такое удачное дельце сладил, что на радостях решил угостить приятелей да еще вздумал поспорить с ними, кто кого перепьет. А да будет вам известно, монсеньер, не было такого, человека во всех Кларидах, который мог бы тягаться с моим покойником, когда дело доходило до стаканчика. И вот в тот самый день, после того как он всех перепил, пришлось ему возвращаться одному-одинешеньку в сумерки, и попал он не на ту дорогу, потому как свою-то не узнал. Вот идет он мимо какой-то пещеры и видит, ясно видит, хоть и час поздний, да и сам он изрядно под хмельком, — целая толпа маленьких человечков тащат на носилках не то мальчика, не то девочку. Он, конечно, бежать со страху, чтоб не случилось худа, потому что хоть и был выпивши,

а ума все-таки не потерял. Но неподалеку от этой пещеры обронил он свою трубку и нагнулся, чтобы поднять, а вместо нее попала ему под руку маленькая атласная туфелька. Он так удивился, что сказал про себя, — и эти самые слова он потом, бывало, часто повторял, когда в духе был: «Это, говорит, первый случай такой, чтобы трубка в туфельку обратилась». Ну, а так как эта туфелька была с детской ножки, он и подумал, что, верно, та девочка, которая ее в лесу потеряла, и была похищена гномами, и как раз это похищение-то он и видел. Он уж было сунул туфельку в карман, но в эту самую минуту человечки в колпачках набросились на него и надавали ему таких оплеух, что он совсем обалдел, так и застыл на месте.

— Морилла! Морилла! — вскричал Жорж. — Так это Пчелкина туфелька! Дай мне ее скорей, чтобы я мог ее расцеловать. Я спрячу ее в шелковый мешочек и буду носить у себя на сердце, а когда я умру, ее положат со мною в гроб.

— Со всем бы удовольствием, монсеньер, да только где же ее взять-то теперь? Гномы отняли ее у моего бедного мужа, и он даже думал, не потому ли ему так здорово и досталось от них, что он ее собирался в карман сунуть, господам в ратуше показать. Помню, когда он бывал в духе, любил пошутить на этот счет...

— Довольно, Морилла, все! Скажи мне только, как называется эта пещера?

— Ее зовут Пещерой Гномов, монсеньер, и правильное это название. Мой покойный муж, бывало...

— Довольно, Морилла! Больше ни слова! А ты, Верное Сердце, знаешь, где эта пещера?

— Вы бы в этом не сомневались, монсеньер, — отвечал Верное Сердце, усердно опорожня кувшин с сидром, — коли бы лучше знали мои песенки. Я сочинил их целую дюжину об этой пещере и так ее всю описал, что не забыл ни единой травинки. Осмелюсь вам сказать, монсеньер, что из этой дюжины песенок штук шесть отменного качества. Но и остальными пренебрегать не следует. Как-нибудь я вам спою одну-другую,

— Верное Сердце, — воскликнул Жорж, — мы с тобой отправимся в пещеру гномов и освободим Пчелку!

— Ясное дело! — подтвердил Верное Сердце.

Глава XXI, в которой рассказывается об одном опасном приключении

Как только наступила ночь и все в замке уснуло, Жорж и Верное Сердце тихонько пробрались в подвал, где хранилось оружие. Там под закопченными балками сверкали копья, шпаги, мечи, палаши, клинки, кинжалы — все, что нужно для того, чтобы убить человека или волка. Под каждой перекладиной рыцарские доспехи стояли в такой решительной и гордой позе, что, казалось, в них еще обитает душа храбреца, который надевал их когда-то, отправляясь на великие подвиги. Латные рукавицы сжимали своими десятью железными пальцами копье, щит упирался в набедренник, словно показывая, что осторожность не претит мужеству и что истинный воин вооружается для защиты не менее тщательно, чем для нападения.

Жорж выбрал из всех доспехов те, в которых отец Пчелки ходил в поход на острова Авалон и Фулу. Он облачился в них с помощью Верного Сердца, не преминув взять и щит, на котором на одной стороне был изображен кларидский герб — золотое солнце. Верное Сердце в свою очередь облекся в добротную старинную кольчугу своего деда, а на голову надел старый помятый шлем, к которому прицепил в виде плюмажа или султана облезлую метелку из перьев. Он выбрал ее просто потому, что ему взбрела такая фантазия и чтобы выглядеть повеселее, ибо считал, что веселье хорошо во всех случаях жизни, а в особенности когда грозит опасность.

Вооружившись, они пошли при свете луны темным парком. Верное Сердце оставил лошадей на опушке леса, неподалеку от крепостного вала, там они и стояли на привязи и глодали кору кустарника; это были очень быстрые кони, и не прошло и часа, как всадники увидели среди блуждающих огней и призрачных видений гору гномов.

— Вот и пещера, — сказал Верное Сердце.

Рыцарь и оруженосец соскочили с коней и, обнажив мечи, двинулись в пещеру. Надо было обладать немалой смелостью, чтобы отважиться на подобное приключение. Но Жорж был влюблен, а Верное Сердце был преданный друг. И тут было бы уместно сказать вместе с одним из самых пленительных поэтов:

Чего не может дружба, ведомая любовью?

Рыцарь и оруженосец шагали около часа в глубокой мраке и вдруг с удивлением увидели яркий свет. Это был один из тех метеоров, которые, как мы знаем, освещают царство гномов.

В этом сверкающем подземном свете они увидели, что стоят у стены старинного замка.

— Вот, — сказал Жорж, — это и есть тот самый замок, который нам надлежит взять приступом.

— По-видимому, так, — отвечал Верное Сердце, — но разрешите, я глотну несколько капель того винца, что я захватил с собой в качестве оружия; ибо чем крепче вино, тем крепче и человек, чем крепче человек, тем крепче копье, а чем крепче копье, тем слабее враг.

Жорж, оглядевшись кругом и не видя ни души, ударил что есть силы рукояткой своего меча в ворота замка. Раздался тоненький блеющий голосок, — Жорж поднял голову и увидел в одном из окон замка крошечного старичка с длинной бородой, который спросил его:

— Кто вы такой?

— Жорж де Бланшеланд.

— А что вам здесь надо?

— Освободить Пчелку Кларидскую, которую вы бесправно держите в вашей норе, мерзкие кроты!

Гном исчез, и Жорж снова остался вдвоем с Верным Сердцем; и тот сказал ему:

— Не знаю, сеньор, может, я и ошибаюсь, но мне сдается, что вы, отвечая гному, не позаботились пустить в ход все улещенья проникновенно убеждающего красноречия.

Верное Сердце ни перед чем не робел, но он был стар, сердце его, как и его череп, было сглажено временем, и он не любил, когда зря раздражали людей. Жорж, наоборот, не помнил себя от ярости и кричал во все горло:

— Эй вы, мерзкие землекопы, кроты, барсуки, сурки, хорьки, водяные крысы, сейчас же откройте ворота, и я обрежу вам уши, всем до единого!

Но только он успел прокричать это, как бронзовые ворота замка медленно раскрылись сами собой, так как не было видно никого, кто бы толкал эти огромные створы.

Жоржу стало страшно, но он отважно вошел в таинственные ворота, ибо храбрость его была сильнее, чем его страх. Очутившись во дворе, он увидел во всех окнах, на всех галереях, всюду на всех крышах, на шпицах,

на фонарях и даже на печных трубах множество гномов, вооруженных луками и арбалетами.

Он услышал, как бронзовые ворота захлопнулись за ним, и тотчас же со всех сторон на него градом посыпались стрелы. И во второй раз ему стало страшно, и во второй раз он преодолел свой страх.

Подняв щит левой рукой, а в правой сжимая меч, он стал подниматься по лестнице, ведущей во дворец, и вдруг увидел прямо перед собой, на верхней ступени, царственно спокойного, величественного гнома с золотым скипетром, в королевской короне и пурпурной мантии. И он узнал в этом гноме того самого человечка, который освободил его из стеклянной тюрьмы. Он бросился ему в ноги и воскликнул, заливаясь слезами:

— О мой избавитель! Кто же вы такой? Неужели вы из тех, кто отнял у меня мою любимую Пчелку?

— Я король Лок, — отвечал гном, — я держал Пчелку у себя, дабы открыть ей тайны гномов. Ты, мальчишка, ворвался в мое королевство, как буря в цветущий сад. Но гномы не подвержены людским слабостям и не поддаются ярости, как вы, люди. Я намного превосхожу тебя мудростью и потому не гневаюсь на тебя, что бы ты ни делал. Из всех моих превосходств над тобой есть одно, которое я ревниво храню: оно называется справедливостью. Я прикажу позвать Пчелку и спрошу ее, хочет ли она последовать за тобой. Я сделаю это не потому, что ты этого желаешь, а потому, что я должен так поступить.

Наступила глубокая тишина, и появилась Пчелка в белом платье, с рассыпавшимися по плечам светлыми кудрями. Как только она увидела Жоржа, она бросилась в его объятия и крепко прижалась к его железной рыцарской груди.

И тогда король Лок сказал ей:

— Пчелка, правда ли, что это тот человек, которого вы хотели иметь мужем?

— Правда, суцая правда, Лок-королек, это он самый, — отвечала Пчелка. — Смотрите все вы, милые человечки, как я смеюсь и как я радуюсь!

И она заплакала. Ее слезы капали на лицо Жоржа, и это были слезы счастья; они перемежались взрывами смеха и тысячью самых нежных слов, лишенных смысла и похожих на те, что лепечут маленькие дети. Она не думала о том, что королю Локу, может быть, очень грустно смотреть на ее счастье.

— Возлюбленная моя, — сказал ей Жорж, — я нахожу вас такой, какой мечтал найти: самой прекрасной и самой лучшей из смертных. Вы меня

любите! Хвала небесам, вы меня любите! Но, Пчелка моя, разве вы не любите немножко и короля Лока, который освободил меня из стеклянной темницы, где ундины держали меня в плену вдалеке от вас?

Пчелка обернулась к королю Локу.

— Лок-королек, ты это сделал! — вскричала она. — Ты меня любишь и все-таки освободил того, кого люблю я и кто любит меня...

Больше она не могла говорить, упала на колени и закрыла лицо руками.

Все маленькие человечки, взиравшие на эту сцену, обливались слезами, опершись на свои самострелы. Один только король Лок сохранял спокойствие. Пчелка, которой открылось теперь все его величие и доброта, прониклась к нему нежной дочерней любовью. Она взяла за руку своего возлюбленного и сказала:

— Жорж, я люблю вас, один бог знает, как я люблю вас. Но как же мне покинуть короля Лока?

— Покинуть? Что? Вы оба мои пленники! — воскликнул король Лок громовым голосом.

Он закричал таким страшным голосом шутки ради. А на самом деле он нисколько не сердился.

Верное Сердце подошел к нему и преклонил колено.

— Всемилостивейший государь, — сказал он, — да соблаговолит ваше величество разрешить мне разделить плен господина моего и госпожи моей, которым я служу!

Пчелка, узнав его, вскричала:

— Это ты, Верное Сердце, мой добрый слуга! Как я рада тебя видеть. Ах, какой у тебя ужасный султан! А скажи, сочинил ты новые песенки?

И тут король Лок повел их всех троих обедать.

Глава XXII, в которой все благополучно кончается

На следующий день Пчелка, Жорж и Верное Сердце, облачившись в пышные одежды, которые приготовили им гномы, отправились в праздничный зал, где король Лок в королевском одеянии вскоре встретился с ними, как и обещал. За ним шествовала его гвардия в доспехах и мехах варварского великолепия и в касках, над которыми трепетали лебединые крылья. Гномы сбегались толпами, проникая через окна, отдушины и каминны, пролезая под скамьями.

Король Лок поднялся на каменный стол, уставленный кувшинами, светильниками, кубками и золотыми чашами чудеснейшей работы. Он сделал знак Пчелке и Жоржу приблизиться и сказал:

— Пчелка, закон народа гномов требует, чтобы чужеземцы, попавшие к нам, обретали свободу по истечении семи лет. Вы провели семь лет среди нас, Пчелка, и я был бы плохим гражданином и преступным королем, если бы удерживал вас долее. Но прежде чем расстаться с вами, я желаю, раз уж мне нельзя жениться на вас, обручить вас с тем, кого вы избрали. Я делаю это с радостью, ибо люблю вас больше, чем себя самого, а мое горе, если оно не пройдет, останется легкой тенью, которую развеет ваше счастье. Пчелка Кларидская, принцесса гномов, дайте мне вашу руку. И вы, Жорж до Бланшеланд, дайте мне также вашу руку.

Соединив руки Жоржа и Пчелки, король Лок обратился к своему народу и провозгласил громким голосом:

— Вы, человечки, дети мои, свидетели того, что эти двое, стоящие здесь, обручаются друг с другом, дабы вступить в брак на земле. Пусть же они возвратятся туда вместе и да возрастят они вместе мужество, скромность и верность, как добрые садовники возвращают розы, гвоздики и пионы.

Гномы подхватили эти слова громкими кликами; чувства у них были самые противоречивые, ибо они не знали, радоваться им или огорчаться. Король Лок снова повернулся к жениху с невестой и, указывая на кувшины, кубки и прочие драгоценные изделия, сказал:

— Это дары гномов. Примите их, Пчелка, они будут напоминать вам о ваших маленьких друзьях, ибо это дарят вам они, а не я. А сейчас вы узнаете, что подарю вам я.

Наступило долгое молчание. Король Лок с выражением глубокой нежности смотрел на Пчелку, чье прелестное сияющее чело, увенчанное розами, склонилось на плечо жениха.

Затем он заговорил так:

— Дети мои, любить пылко — это еще не все, надо еще хорошо любить. Любить пылко — это, конечно, прекрасно, но любить самоотверженно — еще лучше. Пусть же любовь ваша будет столь же нежна, сколь и сильна, пусть в ней не будет недостатка ни в чем, даже в снисходительности, и пусть к ней всегда примешивается немножко сострадания. Вы молоды, прекрасны и добры, но вы люди и тем самым подвержены многим несчастьям. Вот поэтому-то, если к тому чувству, которое вы испытываете друг к другу, не будет примешиваться немного сострадания, это чувство не будет отвечать всем превратностям вашей совместной жизни. Оно будет подобно праздничной одежде, которая не защищает ни от ветра, ни от дождя. Истинно любят только тех, кого любят даже в их слабостях и в их несчастьях. Щадить, прощать, утешать — вот вся наука любви.

Король Лок умолк, охваченный глубоким и сладостным волнением, затем продолжал:

— Дети мои, будьте счастливы: берегите свое счастье, берегите его крепко.

В то время как он говорил, Пик, Тад, Диг, Боб, Трюк и По, ухватившись за белое покрывало Пчелки, осыпали поцелуями руки молодой девушки и умоляли ее не покидать их. Тогда король Лок достал из-за пояса перстень с драгоценным камнем, от которого шли яркие снопы лучей. Это был тот самый волшебный перстень, который открыл темницу ундин. Он надел его Пчелке на палец и сказал:

— Пчелка, примите из моих рук этот перстень, который позволит вам и вашему супругу входить в любой час в царство гномов. Вас здесь всегда встретят с радостью и всегда придут вам на помощь. А вы в свою очередь внушите вашим будущим детям не питать презрения к маленьким, простодушным, трудолюбивым человечкам, которые живут под землей.

Приложение

Глава из сказки «Пчелка», опубликованная в «Revue Bleue» в 1882 г., но не включенная А. Франсом в окончательный текст, вошедший в сборник «Валтасар»

ГЛАВА 5, в которой приводятся речи мамки Гертруды

В то утро, — а это было первое воскресенье после пасхи, — мамка Гертруда, одевая Жоржа, говорила ему:

— Пойдите, монсеньер, дайте же застегнуть ваши подвязки! Вот опоздаете к обеду, достанется вам от госпожи герцогини. Смотрите, как бы с вами не приключилось чего похуже, чем с этими языческими великанами, что заставляют сотрясаться землю, которая их поглотила! В горах, на скалах и поныне сохранились их следы.

— Как бы я хотел быть одним из этих великанов, Гертруда!

— Свят, свят, свят! Не слушай его, господи! А что бы вы стали делать, кабы были великаном?

— Я бы отцепил с неба луну.

— Как жалко-то! А что бы вы с ней стали делать, монсеньер?

— Подарил бы ее Пчелке.

— Да уж это все знают, как вы любите барышню Пчелку! Да и есть за что! Такая красotka и как вежлива со всеми простыми людьми, будь то самый последний слуга. Никогда не пройдет мимо меня, не сказав мне: «Добрый день, милая Гертруда! Как твое здоровье, милая Гертруда?» Приятно слышать такие добрые слова! Да благословит бог уста, которые произносят их!

— Но я люблю Пчелку, Гертруда, вовсе не потому, что она говорит тебе «добрый день»; я бы все равно любил ее, если бы она даже и не говорила этого. Как жалко, что она на самом деле не моя сестричка!

— Придет время, когда вы перестанете жалеть об этом, монсеньер. Уж поверьте мне, перестанете. Поставьте-ка ножку вот сюда на скамеечку, я зашнурую вам гетры. Ах, какие славненькие ботиночки! Дал же бог такие стройные ножки, да и правду сказать, это у вас в роду. Ну вот, опять шкурки оборвался! Не зря, бывало, ваш двоюродный дедушка Филипп пригвождал жуликов-торговцев за ухо к двери. Вот теперь из-за этого шкурка вы опоздаете к обеду. Удави дьявол таким шкурком того мошенника, который его продавал!

— Разве можно удавить таким шкурком, Гертруда, который все время рвется?

— Что правда, то правда, ах вы, мой ангелочек! Ума палата! Ну, да это у вас в роду. Покойный граф, ваш дедушка, натошак, бывало, слова не

вымолвит, ну а вот после хорошего ужина иной раз так разойдется! Начнет говорить всякие любезности, называть меня красоткой Гертрудой. Истинная правда, так вот он и говорил: «Красотка Гертруда!»

— Гертруда, а ты старая?

— Да уж не молода, монсеньер, и с каждым днем все старше делаюсь. Но и старше меня люди на свете живут. Вот хотя бы принц Труа-Фонтэн. Он уже большой мальчуган был, а я только что на свет родилась. В тот год праздник отпущения справляли, и юный принц в первый раз штанишки надел.

— Может быть, это и так, Гертруда, но ведь у него такая длинная борода, такая красивая одежда, красивые собаки, красивые лошади. Он ездит на охоту. А ты, Гертруда, ведь не едешь на охоту, у тебя нет красивых платьев. Не понимаю, что тебе за удовольствие жить? По-моему, никакого.

— Ах, монсеньер! Бедный мой муж, покойник, уж такой-то был умный человек! Вспомнишь иной раз, чего он только не придумывал, ну да, конечно, раз это не попало в книжки, так оно все и погибло вместе с ним. Но вот у меня, между прочим, осталось в памяти, как он, бывало, говорил: «У каждого возраста есть свои приятности». И верные это слова. Вот я, например, под старость утешаюсь тем, что меня господь бог в райскую обитель примет, а другие в геенну огненную пойдут. Ну, одна ножка готова, зашнуровали. Давайте другую.

— А по-моему, Гертруда, если тебе что и приятно, так это болтать с нашей кастеляншей и ключником, потому что ты только этим и занимаешься целые дни.

— Вот уж это напраслина, монсеньер! Ну, да ведь у молодых нет разумения, чтобы о человеке по заслугам судить. Наша кастелянша, монсеньер, достойная особа и могла бы служить примером другим, если бы только не заблуждалась на свой счет. А то ведь старуха, горбунья, а вот поди же — бредит, будто все мужчины только и думают, как бы жениться на ней. Ну, а что до нашего ключника — он у нас весельчак! И все-то он про всех знает. Вот только еще нынче утром рассказывал мне историю про вашего дедушку.

— Про того самого, который молчал натошак, а после ужина расходился?

— Про того самого. Но, боже милостивый, монсеньер, кто же это вас научил говорить так про вашего дедушку?

— Да ты сама, Гертруда, вот только сейчас!

— Должно быть, я просто обмолвилась. Это я про ключника говорила.

Тот, правда, забавник.

— Гертруда, а ты расскажи мне, что ты от него слышала. Только выплюнь эти четыре булавки изо рта, ты из-за них корчишь гримасы, и ничего нельзя понять, что ты говоришь.

— Да ведь надо же мне приколоть воротничок к вашей рубашечке, а то он все кверху лезет.

— Пусть себе лезет, Гертруда. Булавки — это для девочек, мальчики не носят булавок. Расскажи мне, что тебе рассказывал ключник. Но только скажи сначала: а это правда было?

— Конечно, правда. Вот только послушайте, и сами не будете сомневаться.

— Гертруда, а как можно узнать, что тебе рассказывают правду?

— Правда, монсеньер, то, чему веришь.

— А разве не бывает так, Гертруда, что ты веришь, а оказывается, это неправда.

— Тогда, значит, выходит, человек ошибся. А если так ошибаться, тогда уж, значит, ничему верить нельзя, и ни о чем уж никакого понятия не будешь иметь, все в голове кругом пойдет, как у пьяницы. И что это вам вдруг на ум взбрело, монсеньер? Не надо так говорить, не подумавши. Вот ваш поясок.

— Гертруда, долго я буду дожидаться, пока ты мне расскажешь эту историю ключника?

— Так вот что он мне рассказывал. Слушайте, монсеньер. Однажды ночью старый граф, ваш дедушка, проснулся в постели от какого-то диковинного шума. Ему показалось, точно град по крыше стучит, хотя небо было совсем ясное, или будто на лестнице бобы из мешка вытряхивают. А уж это совсем немислимое дело! Какой же болван станет ночью на лестнице в замке бобы вытряхивать! Ну, дедушка ваш видит, что ему не заснуть, надел свой халат и вышел в галерею посмотреть, что там такое происходит. Каково же было его удивление, когда он при свете луны увидел в зале множество крошечных человечков, которые прыгали в окна и сыпались изо всех щелей и замочных скважин, точно горох. Все они были великолепно одеты, как на свадьбу. Да это и была свадьба. Целый оркестр кузнечиков играл веселые танцы, а человечки кружились и плясали на блестящем паркете. Они ничуть не испугались вашего дедушки и пригласили его протанцевать менуэт с молодой новобрачной. Ну, он, конечно, как любезный кавалер, тут же согласился. То-то была веселая картина! Стоило поглядеть, как наш добрый сеньор в ночном колпаке отплясывал со своей крошечной дамой!

ГЛАВА 6, в которой рассказывается, как герцогиня с маленькой Пчелкой и Жоржем поехали в монастырь и встретились там со страшной старухой

Едва только Гертруда кончила свой рассказ о маленьких человечках, как герцогиня вышла из своих покоев...

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)